

*Начальнику ммп
от оператора ОПС
имярек*

Объяснительная

Сегодня один из клиентов попросил меня оформить внутреннее отправление. При запросе «срочно» я, следуя установленной методике обслуживания клиентов, предложила ускоренную отправку. В ответ же раздражительным тоном и в крайне непочтительных выражениях поступили оскорбления в адрес высшего почтового руководства, которое якобы, навязывая в принудительном и монопольном порядке «обдиральные» цены, ведёт против населения необъявленную войну, направленную на ещё большее обнищание, а следовательно, истребление народа. А цены себя не оправдывают, потому что почта не выполняет заявленные сроки ускоренной доставки, клиент уже сталкивался (не в нашем районе). Внутренне не соглашаясь с мнением клиента, но не вступая в полемику, я вынуждена была оформить отправление обычной посылкой.

В случае, если мои объяснения покажутся недостаточными, привожу контакты клиента (предупреждён о возможном обратном звонке или ответном письме). В свою очередь, обязуюсь и впредь в приоритетном порядке предлагать ускоренную отправку, несмотря на возможные нарекания со стороны клиентов. А также обязуюсь после каждого отказа безотлагательно, незамедлительно, оставляя все обязанности (но так, чтобы это не сказалося на своевременном оказании услуг), писать объяснительные.

Хайль Гитлер!

Число, подпись.

.....

Но больше двух раз писать такую объяснительную не придётся. После третьей—принудительное заявление об уходе. Вот и все мучения. Почта—это школа жизни, и на все случаи этой жизни нужно уметь предвидеть задницу и своевременно прикрыть её такими вот писульками. Та же себя ощущала, когда впервые голосовала. Когда сочиняю такие вещи—будто доносы на себя строчу. Конечно, такая объяснительная никуда не годится.

Писать нужно что-то незатейливое, однозначное. Хотя те, кому полагается читать наши бумагульки, всё равно к подоплёке невосприимчивы. Им за каждое ускоренное отправление двадцать рублей наверх идёт. Вот и стараются. Читать между строк не умеют. Только по губам. Вероятно, и книжек не читают. Лишь приказы да инструкции.

С такой объяснительной сразу пожалуйста к расстрельной стеночке! Или добровольно петлю на шею. Или уксус в рот. Но хоть душу отвела! А зачем, спрашивается, петля и уксус? Проще облизать собственные руки после обработки почты. И всё. И нет тебя. Ты в домике. На облачках.

Хотя после почты всё кажется раем. Хотя после почты место в аду заказано. За какие прошлые грехи уготована мне моя почта? Вздыхаю и рву лист на кусочки.

—... Женщины не могут хранить тайны, но ни одна из них не разболтает то, что у неё на сердце,—отвлекает меня задумчивой сентенцией командированный сотрудник собственной безопасности, равнодушно перелистывая Кинга, который у нас в рознице.

—Желаете приобрести?—рефлексивно предлагаю, не обращая на него внимания.

Во-первых, пока нет клиентов, пора «добить» эту объяснительную, но в голову ничего вразумительного не идёт. Тем более скоро закрываться, кассу сдавать, на машину собирать, а потом ещё для завтрашней проверки все отправления в кладовой пересчитать.

Во-вторых, сотрудник этот уже порядком поднадел. Притулился заправским гусаром возле меня, сняв обручальное кольцо с ухоженного пальца и подперев выставленный подбородок, томным взглядом гипнотизирует, извилистыми бровками ведёт... Думает, что я, затрапезникая, как наше отделение, поведу на столличный доск и всемерную обольстительность. Думает, замлею и подноготную о Юре выложу (тот давно у них во всех чёрных списках), с потрохами его сдам и сама себе срок подпишу. То есть накинута всё же на себя ту самую верёвочку, которая все дни, недели и месяцы висит над операторским местом, и потому она уже не намыленная верёвочка, а дамоклов меч.

Но я не поведусь, Юра наш побойчее всех будет.

В-третьих, если подниму на безопасника свои бесстыжие глаза, то своим немигающим пытливым взором он сразу обо мне всё поймёт. Этих неофициальных бесед боюсь больше, чем официальных допросов под протокол. Нас уже возили на почтавт. И у следователя мариновали. Ничего не добились. Мы своё сказали. И Юру не заложили. — Где деньги, Зин? — переминаясь с ноги на ногу, цитирует безопасник уже другого классика.

И у меня ещё больше сосёт под ложечкой, но не от пустого желудка, а от сильнейшего беспокойства. Почта—это антибренд, но с юридическим отделом и службой безопасности у них всё в порядке!

По местному радио, как нарочно, передают «политинформацию»:

«...Руководство филиала сообщает, что происшествие не повлияло на сроки и качество обслуживания клиентов, все обязанности перед населением и организациями исполняются в срок и в полном объёме. В настоящее время по данному факту в филиале проводится служебная проверка, по результатам которой будут приняты соответствующие меры. „Как это стало возможно, мы до конца ещё не разобрались, — комментирует руководство филиала, — но общая картина сейчас сводится к тому, что грешим на техническую неисправность дверей, которая была своевременно не выявлена соответствующими службами. В целях исключения повторения подобных случаев со всеми водителями филиала проведён дополнительный инструктаж“».

Открытие дня

А так месяц хорошо начинался! Ну как хорошо... Нормально. Ничего особенного. Утро первого понедельника, как обычно, проспала. Но в моём случае не страшно. Живу в том же дворе, где и работаю. Жильцы двора молятся на меня, почитают сомнительное знакомство со мной за блат—какой-никакой, но всё же (в век дефицита времени). Соседка снизу подсовывает квиточки, сосед сверху без очереди получает мелкие пакеты... И мне очень удобно. Спустить—девять этажей. Пройти к старому зданию почты, вдолблённому в землю временем,—ещё несколько шагов. Это едва ли не единственный плюс. Можно ночью, вернувшись откуда-нибудь с дискотеки или просто «с гостей», надеть форму—и тут же в кровать. Главное, собственным галстуком во сне себя не придушить. А поутру проснуться, ополоснуться, пригладить пальцами волосы и—вперёд с песней! Если лифт работает, что случается нечасто, то вообще можно не завтракать и не краситься, ещё несколько минут для сна выгадать. С другой стороны, как же не краситься, когда сегодня Юрина смена?

По пути вниз уплетаю вместо нормального завтрака вчерашний пирожок и запиваю остывшей

с вечера крепкой заваркой. Главное, спросонья не сверзиться со ступенек, иначе костей не соберёшь. Внизу, правда, на мою мятую юбку косятся подозрительно. А может, у меня бурная личная жизнь, некогда на хозяйственные пустяки отвлекаться?

Уже на крыльце слышу, как горланит за кассой Гуля. Забегаю—и точно: перед единственно работающим окном несанкционированный митинг! Сегодня ж последний день пенсии, но денег нема. Начальство с вечера не заказало—инкассация не приехала, а крайние—операторы, старичкам на съеденье:

— Вечный бардак!

— Сколько можно издеваться над людьми?

— Сталина на них нет!

В такие сатанинские дни у нас коллективный вызов великого вождя. Даже молодёжь присоединяется: the comrade Stalin forever!

Ну, бегите в пенсионный или куда там, пусть вас, неблагодарных, переформируют. А нам, почтовикам, дайте своей непосредственной работой заниматься. Превратили почту в филиалы госучреждений... Потому хочешь не хочешь, а красивая современная девочка Гуля превращается в злобную совковую тётку. В этом навязанном образе она кипит г****, заводит глаза и цедит сквозь зубы: — Не зна-аю-ю, ждит-те...

Пока начальства нет, отрываемся. Потом придёт Юра, и так уже не наорёшься. Пока пенсионеры плюются ядовитой слюной, рискуя потушить костёр, на котором сами же собрались нас, ведьмаков, сжигать, другие постоянные клиенты на рожон не лезут, бунтовщиков не поддерживают. Чего с почтой зазря ругаться? Что с ней, болезной, поделаешь? Ну что она, лучше от этого станет?

Давно бывшие мученики, в основном «юрики» (курьеры и секретари), привалившись затылками, смиренно подпирают неуютные, заскорузлые, плесневелые стены и тупо смотрят перед собой. Или в телефон. Или в потолок. Или в окно.

Я люблю наших страдальцев. И жалею. Правда, в телефонах, потолках и за окном мало интересного. В стекло, например, бьётся несчастная муха. Своим заунывным жужжанием подчёркивает и вытягивает постную суть застиранного пейзажа наших веками не распаханых полей. Природа эта—как растворение в небытие, вечное приотворение к смерти, выход в никуда, полное провисание, чёрная дыра. Здесь индекс—сплошные нули. Выхухоль или утконос не знают своих названий, и на бескрайние степи и скалистые горы также не может быть наложен почтовый индекс. Но вдруг на самых неподходящих участках планеты в силу разных причин расселились люди, связанные родственными и торгово-денежными отношениями, потому им понадобилась дружеская и деловая переписка.

У наших клиентов рождаются неправильные ассоциации, они переносят грустное впечатление о пейзаже из окна на само отделение. Так сказать, равняют равнину на почту. Хорошо, что окна моей квартиры на девятом выходят на другую сторону: во двор, где летом шелестит зелёное море. Там гладкие машины, как скользкие рыбы, и детская площадка, свежескрашенная, заполненная, как коралловый риф с мальками... А если бы и вправду здесь заплескалось поблизости море с его сочностью и новизной! Перетащить, придвинуть с краёв наших огромных территорий хоть одно, желательно, конечно, южное. Избавить тем самым засушливые поля разворованных совхозов от запустения, заполнить степи с сухими трещинами, как узкие глазные щёлки, беспокойной водой. Всё ничего, когда есть такая беспокойная вода, обновляющая и вдохновляющая. «*„Ах, есть ли ещё море, где бы можно было утонуть“; — так раздаётся наша жалоба — над плоскими болотами.*»

Открываю вторую кассу. Народ оживляется, смотрит с надеждой. Но денег-то всё равно нет. Вторая волна словесного дерьма окатывает меня с ног до головы. Но я держусь. Год назад меня штормило бы от них всех. Раньше я была девчонкой-ромашкой. Раньше я восхищалась японской культурой *омотенаши*. В Японии говорят: 「お客様は神様です」 (о-кяку-сама ва ками-сама дэсу), что означает: «Клиент — это Бог». В идеале все компании, нацеленные на первоклассный клиентский сервис, должны к этому стремиться. Но у нас любая прекрасная идея, от коммунизма до вегетарианства, подвергается страшной мутации. Поэтому — о-каки-суки-сами-вы! И мой девиз: *вас-много-я-одна!*

Вообще-то сегодня не моя смена. Но Ивешка попросила подменить. Взяла больничный. На днях херанули в неё посылочкой. Клиент отказался заполнять паспортные данные, аргументировав тем, что в отделениях работает жульё, которому запросто в корыстных целях воспользоваться его персональными данными. Даже на горячую линию звонил. А те — Ивешке: мол, вручите без заполнения. Алё, гараж! Нам вручить и нам же потом отвечать? Почтовые правила никто не отменял. Но некоторым, особенно вышестоящим, не всегда выгодно следовать нормативам. Ивешка отказалась вручать и сама же получила по голове. В прямом смысле. Говорят, загремела с сотрясением. Я знаю того мужа, который выхватил из её рук посылку и грохнул на макушку. В соседнем доме живёт. Все его знают. И ничего ему за это не будет. Со справкой живёт. У него по весне всегда такое поведение.

...Раскидали народ потихонечку. Набрали с переводов, платежей и выплатили пенсии самым настырным и говнистым. Остальных — в сад! С Гулей насилу отбились. Мы с ней особо дружбу

не водим, даже цапаемся порой. Но общие горести, как известно, сплачивают. Борьба с общим врагом. Против фашистской Германии — хоть с сатаной. Правда, придёт Юра, всех разделит и начнёт властвовать.

Утренняя волна сошла, кое-как улеглась, а вторая хлынет ближе к обеду, когда все городские сумасшедшие окончательно проснутся и одновременно вспомнят, какого лешего забыли на почте. Это напоминает про «город засыпает, и просыпается мафия», только наоборот. Хотя у оператора в начале недели почти никогда не бывает свободного времени, но пока дух перевести можно: сожрать почтовый шоколад, на удивление вкусный и свежий; почтить страницу-другую из Кинга. Почтовый шоколад и страшный «Стёпка» — единственное, что скрашивает моё существование на работе и притупляет дежавю. Ощущение на самом деле более чем привычное. Каждый день одни и те же клиенты, письма, операции за кассой и вне кассы...

Надрывается телефон. Гуля и не думает отвечать. Порядочные на почту не звонят. Либо конфликтный клиент, либо вышестоящее. Гуля кинула трубку в ящик стола и зацокала каблуками на выход — курить на крыльце свои тоненькие пахитоски. Мне ж звонок действует на нервы. Вынимаю трубку и с усталой обречённостью представляюсь:

— Почт-та.

— Привет, — слышу знакомый голос, прокуренный и без особого энтузиазма.

Это наш зам Инна Вадимовна — Ивешка. И у нас все так разговаривают. Жизнь прошла стороной и возвращаться не собирается.

— Говнюк не заявлялся?

«Говнюк» — Юрий Князюк, начальник отделения.

— Нет ещё, — отвечаю.

— Чтоб ему провалиться! Вы как там? Не съели? Гулька не тупит особо?

— Норм. Только говнюк, то есть Князюк, деньги не заказал. Пенсы рвали на ремни.

— Ну, это он может, — скучно зевает Ивешка.

— Гулька не тупит, — понижаю голос и прикрываю ладошкой рот, — готовится к появлению пана директора.

— Подмываться, что ли, пошла?

— Кофточку новую надела. И губки всё время подмазывает, покусывает.

— Ну, будет ей счастье. Пятьдесят оттенков почты. Говнюк с совещания злющий приедет — отыграется на ней.

— И на мне.

— Ну, ты же не такая тупая... Ладно, держите оборону, вечером, может, заявлюсь. Больничный занесу — уже закрыли.

В мыслях благодарю за «не такую тупую» и прощаюсь. Сдалась ты мне вечером!

Юра

Князюка вспомнишь—он и зайвится. Птицы за окном смолкли, новая очередь притихла, и вошла сиятельная персона мрачнее тучи. Хозяин в берлогу вернулся. Лоб лоснится, глаза рысьи, ворот растёгнут, тут же с порога снесло всех перегаром... Опять рюмашки с Кураторшей хлопал. Там стакан, здесь стакан—вот и утро пришло! А наутро эта же протрезвевшая Кураторша на совещании всех собак на Юру спустила!

Как всегда, морщится при виде навязанных ему владений, будто кусочек дерьма к носу поднесли. При хлопанье входной двери на его бедовую голову сыплется с потолка истлевшая штукатурка. Лично меня в такие минуты посещает испанский стыд. Виновата в существовании почты не я, но неловко за неё именно мне. Если пришла работа в эту сырую темницу, значит, свыклась с подлым порядком вещей и подтвердила собственную несостоятельность. А к Юре грязь не пристаёт. Любая, даже почтовая.

Вот бы сюда моего покойного деда! Он был директором школы, и лучшего снабженца во времена советского дефицита город не знал. Школа у него блестяла и была оснащена по последнему слову техники, когда как в соседней школе ребятки даже в восьмидесятые географию учили по довоенным глобусам. И всё благодаря природному обаянию, подвешенному языку и хватке бульдога. Таким отказывать—себе в убыток. У Юры хватка не слабее и обаяния не занимать, но вряд ли его будущие внуки будут им хвастать. При нём отделение пришло окончательно в запустение. Наше здание построено в начале тридцатых. А ремонта не видело три моих жизни. Такая нехитрая арифметика.

Чем Юра мрачнее, тем мне спокойнее, будто его неукротимая злоба защитит от чего-то более страшного, чем он. И в благодарности начинаю мысленно перетягивать его головную боль, душевное расстройство на себя. По тому, как вставляет ключ в замок начальственной двери, по её скрипу определяю, насколько ненавистен ему весь род человеческий, которому знает цену и готов, не продешевив, продать за милую душу. А подчинённые и клиенты, как последний заслон, ближе всех к этой бездне. Только мы сдерживаем, защищаем Вселенную от грядущего апокалипсиса в лице рядового начальника небольшого провинциального отделения после его похмелья и недосыпа.

Юра придвигает поближе вентилятор, подставляет струям воздуха измождённое лицо (целый день бы так просидел), не с первой попытки чиркает зажигалкой, глубокомысленно закуривает и начинает крыжить лотерейный тираж, который отделение на прошлой неделе вместо утилизации ошибочно реализовало. Да ещё радовались, ручки потирали: дескать, премию получим! Вместо премии—по шее, и не забудьте намазать верёвку.

Сначала Юра поставит товар на приход, как Бог на душу, а потом у нас пересортица в марках, нехватка конвертов, коробок... Начинается свистопляска. Начальство вечно носится перед проверкой, делает себе кровопускание. Подчищаем общими усилиями косяки. Но Юра с Ивешкой тёртыи калачи, ушлые и языкастые, умеют и на ёлку взобраться, и не ободраться. Отряхнутся и дальше пойдут лес рубить, от которого щепки в разные стороны и шишки по лбам. Они живо сработались, но иногда жалят друг друга. Тогда всё отделение встаёт, и можно выйти покурить, чаю попить, заодно и повеситься. В такие страшные минуты кровь стынет в жилах, останавливается вода в реках, затихают очереди... Их дружба-вражда сравни вечной любовной ненависти или ненавистной любви сказочных персонажей—Волка и Лисы. А почта—лес дремучий, медвежий угол, берлога под корнем сваленного дерева, которую они, закапываясь с делами, роют друг другу. Столько от их зряшного усилия перьев и шерсти, столько пыли столбом! До самого космоса! Фобос и Деймос. Один вечно тормозит и когда-нибудь свалится камнем вниз. А вторая когда-нибудь удалится от Сатурна-почты.

Но Юра и сам как планета. В его кабинете вечный дым, которым опоясывается, будто системой газовых и пыльных колец. Дым постепенно пропитывает мои волосы, форму, в нерешительности перед выходом в клиентский зал замирает и царственно стелется дальше, разбредается, растягивается по всему отделению. Аид, Князюк Тьмы, не иначе... Окуривает, застилает сумрачным туманом помещение, чтобы клиенты, как сомнамбулы, теряли волю и счёт времени. Оставь надежду всяк сюда входящий! Странно, в наше время активной борьбы с пассивным курением никто до сих пор не пожаловался на Юру. На Ивешку много раз стучали. Она тоже как паровоз дымит. А на него—ни разу. Юрино табачное облако такое же полновесное, обстоятельное, как и он сам.

Ещё через несколько минут из Юриного кабинета доносится будничные матерок. Нелюбимая работа! Дело в руках не спорится. Мыши плакали, кололись, но продолжали жрать кактус. Бумажная работа вообще не для мужиков. Не подходит Юра нашей почте, как ни крути. Какой-то нездешний, что ли. Ощущение, будто для чего-то другого зашла. Знать бы ещё: для чего? Пересидеть, наверное. Ивешка говорит, будто ему нужен год стажа на руководящей должности, а потом свалит—и поминай как звали... Влиятельных друзей и врагов у него всегда было в достатке. Вот друзья и пристроили. И стали врагами. Нам нашли злого Юру среди самых злобных Юр.

Я вижу нового Юру и вспоминаю прежнего. Вроде бы ничего отличного, и всё же, всё же... Годы—гады! Когда-то давно, ещё до того, как

почта решила, что она очень жадная, и ещё не было понятия «бомж», и были только алкаши, а я пешком под стол ходила, то каждый уважающий себя мальчик слушал «Scooter», носил гриндерсы, а каждая уважающая себя девочка штурмовала Юру любовными посланиями с грамматическими ошибками. Еженедельно, как с передовой, из школы приходила сводка: такая-то из девятого «А», «Б» или «В» (всё равно) вскрыла себе вены или отравилась уксусом (всё равно). Причина—Юра Князюк, вернее, отсутствие такового.

Потом многие выросли, вышли замуж, а желающих свести счёты с жизнью из-за Юры не поубавилось. Но всё как-то прозаичнее стало, втихую и лицемерно, что ли. А тогда родители и учителя открыто ненавидели Юру. В детской комнате милиции ненавидели Юру. Даже в мэрии ненавидели Юру. У всех росли дочки. А он ненавидел весь город. Все, кто любил наш город, остались и сделали технарями, поварами... А Юра уехал и стал никем. А он вообще с амбициями. Из нашего города уезжают самые сильные и мотивированные, яркие и талантливые носители Y-хромосомы. Сначала, конечно, дела шли в гору, пока не приключилась очередная поганая история.

Хотел больших должностей—уехал.

Теперь вот вернулся—хочет больших денег.

Но на почте нет таких денег. На почте всё маленькое и захудаленькое.

Раньше я видела только жизнерадостных детей либо только разочарованных взрослых. Племяш мой мелкий думает, что весь мир принадлежит ему. А вот дедушка наш доживал век с выражением на лице: «И это всё?» Наблюдать развитие человеческой души от одного состояния к другому мне, в силу возраста, было не дано. Выслеживала такую динамику по старым фильмам. Например, у Рязанова пижонистый ироничный журналист в исполнении Олега Борисова бойко избобличает советский торговый сервис. И этот же актёр много лет спустя у Абдрашитова—в роли следователя Ермакова, уставшего бороться с мельницами: «Если всё по инструкции делать, то и депо закрыть надо, и вообще всю железную дорогу!» Мы не железнодорожники, и слава Богу. Но их «рецепт благополучия», кажется, с успехом применяется в любой области... Или жизнерадостный лесоруб Илья Ковригин, а потом он же—безымянный зануда-сосед журналистки Лены Журавлёвой. И снова журналисты... Круг замкнулся. Я вот тоже мечтаю поступить на журфак и жду приглашения на творческое собеседование из столичного вуза.

А пока—на своём операторском месте. Сиджу спиной к Юре и считываю его настроение не только глазами из-под отросшей чёлки, как из-под шторы, но и выпирающими острыми лопатками. А чего мне лишний раз на него пялиться? Я вообще редко смотрю на начальство, зрительный

контакт не поддерживаю. Много чести. Страшно смотреть на человека, который, кроме денег, ничего не видит. А он меня раскусить не может, не знает, что со мной делать, и злится, и провокации различные устраивает.

У Юры два вида проверки на вшивость. Одна—казённая. Выдаёт наличные больше, чем изначально заявлено. Совестьливый оператор, пересчитав, должен вслух обнаружить расхождение. Вторая—скорее интимного характера. Закинет свою лапищу на холку, прижмёт к стене ненароком, вроде бы по-отечески. Но видит, что жмусь и дичусь, и торопливо отходит. Он хоть и манкий, но довольно приземлённый мужик. Без особых затей. В интересах преимущественно—большие деньги и служебный трах. Гадит там, где работает. Все женщины—потенциальные гаремные соперницы за внимание почтового падишаха. Нет бы книжку из школьной программы почитать, всё же полезнее...

Обе проверки Гуля не прошла. Вернее, не прошла первую, и за это ей, видимо, досталось под хвост. И осталась вполне довольной. Мы с Ивешкой, посоветовавшись, решили сообща подозревать их в совместной е*ле. Слишком вольготно стала себя вести, обнаглела, охамела вконец. Так ведёт себя только добившаяся своего женщина. Ну не кассу же они так долго и шумно сверяют, запираясь после закрытия в его кабинете?..

Настырная, как миллион китайцев, Гуля, выпятив грудь и оправив узкую юбочку (наверняка самолично ушивала, мечтая о свадебном платье), первая решает пойти к пану директору—якобы за деньгами и марками. На самом деле—напомнить о себе, поластиться, поймать кость расположения и утереть мне нос. Ну и пусть! Грязные животные друг друга понимают. Но с Гулей ему ни фига не проще. Она не способна вовремя уловить чужое настроение, как не способна на это ни одна курица, укладывающая все потребности мужика в основание пирамиды Маслоу. Хватит лезть Юре в ширинку, когда его голова другим занята. стакан ему, что ли, поднеси, мокрым полотенцем голову повяжи, холодное к вискам приложи...

Гуля трещит без умолку, и закинуть её в ящик стола, как надрывающуюся трубку, нельзя. Потихоньку за прикрытой дверью кабинета поднимается скандал! Не влезай! Убьёт! Юра, как может, отмахивается от неё. Назойливая муха! Я старательно грею уши, но трудно что-либо услышать, когда в зале зверинец, над ухом жужжит клиент и надрывается кассовый аппарат, брезгливо выплёвывает чеки... Наконец в кабинете срываются на крики, гневливые и жалобные... Дверь от сильнейшего удара ногой распахивается, на пороге—пунцовая, зарёванная Гуля. Ни на кого не глядя, хватает сумочку и нервной манерной походкой цокает к выходу, по пути разбрызгивается слезами клоуна.

После такого взбрыка в отделении поначалу гоголевская сцена. И снова по кругу:

— Бардак!

— Превратили почту чёрт знает во что!

— Сталина на них нет!

Но я не реагирую. Улыбаюсь своим мыслям, про себя подленько хихикаю, предвкушаю свой будущий рассказ, в голове для Ивешки в красках расписываю это маленькое почтовое происшествие и заранее слышу наши общие реплики:

«Больно уж навязчивая и бесцеремонная».

«А то раньше ходила кум королю!»

«Теперь крылья-то пообломали».

«А у нашего пана директора настроения—как солнечных дней в осеннюю пору».

Мы с Ивешкой давно предрекали такой исход!

Закрытие дня

Хвала почтовым богам, сегодня пятница—день шоколадок! Народ в целом доброжелательный, приходят курьеры, и мы делаем нашему отделению месячный план. Интернет-магазины приносят на отправку заказы, крупный кредитный банк получает назад свои возвратные письма, а Шурик, жизнерадостный сотрудник СИЗО, приходит за арестантскими посылками, которые пахнут в нашей кладовке всегда одинаково—копчёной колбасой и тухлой беспросветностью. Или наоборот. Возможно, сама кладовка навеивает подобные мысли, в ней постоянное ощущение, будто кто-то повесился. Если подняться на стеллажи, то из окошка через колючую проволоку, протянутую над бетонным забором в несколько рядов, можно увидеть в отдалении кусочек тюремного двора. Там ходят конвоиры, а иногда заключённые из хозблоков. Иногда кажется, что я сама так брожу в своём тесном закутке в скорбном ожидании, будто заранее послана на вечныегалеры, и нет мне выхода ни из одной двери. Только из узенького окошка кладовки тоскливо глядеть на другую тюрьму.

По причине бегства Гули пятничная партионка делает мне нервы. Очередь вмиг выстроится. Станут требовать отдельное окно для «физиков». Но наш пан директор палец о палец не ударит. И если начнут названивать сверху, закинет рабочую трубку в ящик стола, а сам «отойдёт по жалобе». Но Шурик утешит, тихонько подложит мне шоколадку или пирожное, свернёт комплимент: мол, я за кассой похожает на средоточенного пилота, который управляет звездолётом и гуманоидами, атаковавшими мой звездолёт.

Что ни говори, а работа с людьми—не для людей. С моим вялым темпераментом мне бы обязанности проще: бумажки перебирать, с цифрами работать... Только бумажек и цифр этих на почте—выше крыши. Работа кропотливая, требует усидчивости и калёных нервов, как перебирание фасоли, разделение на белую и тёмную. И такая же

коварная, как мачеха Золушки: чуть зазеваешься или решишь, что всё уже знаешь,—по невнимательности вскочит досадная ошибка, сначала мелкая, а потом, если вовремя не заметишь, разрастётся, как снежный ком, и понесётся с горы, захоронит под собой заживо. Кассовый чек, конечно, можно активировать и накладные расформировать... А вот если не ту посылку выдашь, или при вручении про наложенный платеж забудешь, или пенсию по доверенности умершему человеку выдашь, то это уже серьёзнее. С этим не оператор, а вышестоящее разбирается. Но вышестоящее по головке не погладит. Вышестоящее вкладываться не станет. Всё упирается в деньги, время и нервы, которые, как известно, однородные. На почте, особенно ближе к концу рабочего дня, когда народ валом прёт, вечный дефицит этого самого времени. Постоянно отвлекают, требуют... По этой же причине на почте не любят новеньких. С трудом выкарабкиваешься из лавины своих/чужих ошибок и снова по воле почтовых богов вкатываешь на гору тяжёлые камни, за которые сойдут тюремные посылки и за которыми по пятницам приходит Шурик.

Странно, но несколько посылок, обработанных мною пару смен назад, оклеены именной лентой-сotch нашего региона, а не соседней области, откуда пришли. И по весу разнятся, не сильно, правда, в пределах допустимого, но всё же... Значит, их вскрывали, но не на сортировке, иначе я бы при обработке заметила и составила акт, а уже в отделении, после меня. Подозрительные посылки адресованы одному арестанту—некоему Пляке, кажется, даже законнику, если верить Шурику. Сложно не запомнить, тем более на сортировке бригадиром работает его однофамилец, на накладных всегда его подпись.

С Шуриком у меня доверительные отношения, потому сразу обращаю его внимание на эту ерунду. А он только шире улыбнулся и рукой махнул: мол, забей! И пока я продолжаю собирать ему в кладовке арестантские посылки, они закрываются с Юрой в его кабинете и подолгу о чём-то толкуют.

На почте любят загадывать новеньким загадку. Вот, например, байка о ловкачах, отправлявших посылки без описи, но с большой оценкой. В пути следования вес улетучивался, и в отделение приходила внешне целёхонькая (без признаков вскрытия), но совершенно пустая. Почта послушно возмещала ущерб, но усердно ломала голову: что за на х** такой? Но, как известно, у почты со службой безопасности всё в порядке. Мошенников взяли на контроль и в очередной раз выяснили, что секрет всему...

Перед закрытием, как всегда, еле отбиваемся от тех, кому вдруг приспичило. Их в дверь—они в окно. Из всех щелей лезут. Ровно в восемь приискал конь ретивый, грива назад, с пачкой писем,

при виде которой у меня сжимается сердце и ладошка сама тянется к воображаемой удавке... Но Юра тормозит его резвые копытца.

— Время без пяти, успеваю! — возмущается тот.

Пан директор снисходительно стучит по циферблату своих наручных часов:

— Купите себе такие — и всегда будете знать точное время.

У того планку сносит от возмущения:

— Откуда на почте такие часы? Вы тут миллионными ворованными ворочаете!

— Нет, я просто вскрыл мелкий пакет из Швейцарии, — невозмутимо парирует начальник и тянет клиента к выходу.

Тот упёрся невидимым рогом, слышать ничего не хочет. Хватает Юру за бейдж, но Юра уже не церемонится и вытаскивает конягу в предбанник: — Пшёл на х** отсюда!

И разлетаются письма в разные стороны. Пока собирал, пальцем грозил! До самого верха дойдёт! Управу найдёт!

Короче, ничего нового. Дружно зеваем, выпроваживаем и отворачиваемся.

— Клиент всегда прав! — высказывается последняя клиентка. — Он пришёл без пяти.

— Во-первых, он пришёл не без пяти, — выверилась на неё, — а ровно в восемь. И даже если пришёл без пяти, что он успеет за эти пять минут?

— Нужно работать оперативнее, а не как вы!

— Я обслужила вас оперативно! — шиплю упреждающе. — По чеку можем проверить нормативное время для каждой операции. А клиентам тоже нужно рассчитывать своё время, потому что чужое казённое никто не оплатит.

Поджала губы: нечего сказать...

Ещё через пять минут примчался наряд полиции. Опоздун слов на ветер не бросал: вызвал 102, а сам, раскидывая вокруг себя кипящее г***, поспекал дальше катать телегу, скорее всего, не первую в его жизни и уж точно не последнюю.

Полиция у нас частая гостья. Много народу с повреждённым на почте эго. Юра невозмутимо пишет объяснительную и на всякий случай ставит в известность службу безопасности. А чего ему переживать? У него весь отдел в друзьях. А самый что ни на есть школьный товарищ — наш участковый Эдик, который, странное дело, сохнет по Ивешке, женщине гораздо старше себя.

Я наивно полагаю, что Юра защитил меня от настырного клиента, но он, как всегда, печётся лишь о себе, кричит из кабинета:

— Васька, закрывай смену! До ночи прикажешь с тобой сидеть?

Мечтать не вредно! До ночи со мной собрался...

— Ты чего там бубнишь? Давай уже кассовую справку! Где Z-отчёт?

Хорош глотку драть! Мне ещё мешки и ящики заделывать! Успеть бы до машины.

Жаль, что при заделе мешков запретили сургучом пользоваться. Обожаю запах разогретого сургуча! Напоминает почтовый шоколад, такой же ароматный и вечно свежий. Подумать только, я на своём веку благодаря почте застала остатки позапрошлого века: старинный способ запечатывания корреспонденции, когда, скажем, Пушкин, набросав своей Натали пару строк, капал жидкий сургуч на конверт (в нашем случае на ярлык мешка) и шлёпал по нему именной печаткой...

— О чём мечтаем? — возвращает меня Юра на землю.

Начинаю имитировать бурную деятельность: суетно пересчитываю наличные.

— Да не считай! Я сам, — вырывает из рук. — Кулёма...

Юра, в отличие от меня, красиво считает деньги, щурясь от дыма сигареты в зубах. И расстаётся с деньгами нехотя...

Пришла за Юрой его жена с пятилетним сыном. Гуля с Ивешкой называют её серой мышью. Но она не серая. Это бабы от зависти. Скорее, напоминает интеллигентную Анук Эме из «Восьми с половиной». Такие, как Юра, или остаются в бобылях, или женятся на самых лучших. Жена его вполне уравновешивает, вносит необходимую долю разумности. Для меня они как прекрасно советские Александр Кайдановский и Женечка Симонова. Идеальный мужчина и идеальная женщина. Вместе — идеальная пара. Все идеальные пары с оглушительным звоном разбиваются. Их жизнь делится на «до» и «после» рождения ребёнка, который в то же время единственное, что на данный момент объединяет.

Жена, изящно поправляя очки, как всегда, мельком оглядывает меня, в очередной раз определяя для себя потенциал моей опасности для её семейной жизни. Я сжимаюсь, замораживаюсь, всем своим видом старательно делаю незаинтересованный, глупый и некрасивый вид. Успокойся, Юре со мной не светит! А ведь многие отмечают наше сходство с женой. Правда, до настоящей Анук Эме мне далековато. Жена будто читает мысли и временно утешается. Зато Гуля с ней не столь милосердна. Нет-нет, а даст понять, что всё у них с паном директором «было».

Юра, закончив с отчётом, сажает сына на колени и подносит в зажатом кулачке приготовленный патрон с просверленным отверстием в боку. У ребёнка от восторга дыхание перехватывает. Он обхватывает папу за шею и прижимается к груди. — Где взял? — пугается Анук Эме.

Юра не устаивает ответом. Я объясняю: принёс участковый Эдик. Из вежливости, чтобы скрыть неловкость, перекидываемся ещё парой незначащих фраз.

Наконец пан директор дожёвывает последний пельмень (жена принесла ужин), залпом

опрокидывает рюмку (при сыне не стесняется), заделывает свой начальственный мешок, и все вместе уходят. А я остаюсь ждать машину.

— Проверь все окна, курить не выходи, никому не открывай,— предупреждает напоследок,— правила безопасности не забываем, бережёного Бог бережёт...

И глубоко затягивается сигаретой, судорожно выдыхает. На свободу с чистой совестью! Юра—вне почты, развязался с обязанностями и, значит, снова нормальный человек. Таким же предупредительным и заботливым бывает, когда выпьет. Неужели, чтобы выглядеть обычным, надо непременно догнаться и влить в себя почти литр?

На своём коротком веку я повидала двух начальников. И оба, как принято говорить, не соответствовали занимаемой должности. Ибо боялись всего на свете. Тряслись, как осиновые листья. Закладывали собственных операторов, лишь бы самим ни за что не отвечать. И даже фамилии у них были не случайные, такие же жалкие, почти чеховские: Беляева и Белов (кажется, Чехов любил писать о почтовых чиновниках). Оба оправдывали казённые страхи предпенсионным возрастом. И оба побывали нормальными людьми ровно две последние недели после того, как их всё же вынудили написать заявления об уходе. Я очень надеюсь, и мне что-то подсказывает, что Юра не похож на предшественников. Он дурной, неудобный, резкий, но он не кинет. Интересно, что Чехов написал бы о Юре? Что-нибудь ироничное и страшно будничное, как сам Юра.

—...И когда посылки сизо выдаёшь,—продолжает вдруг,—поменьше думай и ещё меньше вслух рассуждай. Особенно при таких, как этот Шурка,—предупредил меня и хитро подмигнул вторым глазом, который всегда настороже.

Я политесу ихнему не обучена, ничего не понимаю, но с готовностью торопливо киваю. Если милейшему Шурке нельзя доверять, то кому тогда можно?

— И если флэт с «акулой» придёт, тоже не трогай. Сам обработаю с утра.

Мы все знаем об этом правиле, но на всякий случай предупреждаю:

— Так у нас выработки не будет, премию опять не получим.

— Флэт неприписанный придёт.

Я пожимаю плечами. Мне же лучше. Говорят— не трогай, значит, не трогаю. Неприписанный флэт—значит, без номера и нет в накладной. По бумаге— не пришёл в отделение. Его не отследишь, и ответственности за него никакой! Но ничего хорошего от него не жди! Вес на ярлыке никогда не сходится с фактическим. И заделывает его всегда один и тот же—однофамилец Пляки. Имя давно набило оскомину.

У нас нет ночного оператора доставки. Поэтому всем отделением делим ставку. Совмещаемся согласно графику, кроме пана директора, который остаётся в ночь всегда неожиданно (когда приходит из сортировки тот самый флэт). И тогда плевать ему на график, который сам же и составлял. После него наутро остается лёгкий, почти незаметный, старательно выветренный запах травы. Или, наоборот, забытая гора бутылок. Ему всё равно, в чём топить свою жизнь.

После меня—шелуха семечек.

После Гули—раздвинутые столы. Боюсь предположить, что она на них раздвигала.

После Ивешки всё чисто и вытерто. Она замещает уборщицу, которой тоже нет. Юра выгнал нашу киргизку, которая якобы плохо убиралась. С тех давних пор к нам даже из СНГ никто не съётся. Себе дороже. В отделениях невозможно хорошо убраться. Для этого почту надо снести к херам. И выстроить заново. И никого не пускать.

Ивешка аккуратная и чёткая. Безработный бухгалтер, которую подобрала почта. Почта всех подбирает. И ко всем относится одинаково плохо. Только клиентом хочет нравиться. Но клиентов не обманешь. Они, как дети и животные, чуют лицемерие. Подобрашка Ивешка—на вес золота. К её работе почти не подкопаешься. Но все не без греха. У неё теперь дамский кризис, почти как у купринской Натальи Давыдовны. Как сама признавалась и оправдывалась, с разведёнками такое иногда случается: разом открываются все шлюзы, либидо переполняет, стремится выйти из берегов, чтобы избавиться от нажитого, снять стресс, испытать новое, почувствовать себя хоть кем-то, хоть самой пропащей и конченной. То есть не важно, с кем и где, главное—сам процесс, его волнующие механизмы и стремление выйти на финишную прямую. В области передка образуется нехороший магнит, который притягивает и заставляет прижиматься клитором к любому таксисту, торгашу, случайному провожатому, каким, на своё несчастье, и оказался участковый Эдик. Он удачно попался ей под руку и так же неожиданно был ею послан. Эдик долго потом ходил под нашими окнами, всё донимал её, нехорошие слова на заборе писал. Но потом утёр скупые полицейские слёзы, пришёл в себя и по новой стал безобразничать, уже не с почтовыми дамочками, а с населением. У меня от него оторопь.

Обработка

Пришла машина. Водитель новенький, хотя сегодня вроде бы смена родственника нашего Юры—племянника его жены. Племянник обычно и привозил тот самый злополучный флэт, над которым заранее трясся Юра, чтобы потом втихаря, запершись в кабинете, вскрыть. Сторонним это дело не доверял. Насколько Ивешке до всего есть дело, но даже она своим любопытным носом туда не лезла.

Незнакомый водитель после подачи машины к люку обмена тоже буркалы на меня выставил и сверлит подозрительно, будто подлости какой дождается. А я-то что? Стою—душа нараспашку. Вся как на ладони. Транспортёр (конвейер) заранее включила, привела ленту в движение. Мне ваши ночные игрища неведомы. Мне работу надо работать. Наконец он подаёт маршрутный лист, накладные и выгружает ёмкости. Я принимаю их и одновременно сверяю по номерам в накладной. Всё сошлось, кроме того самого флэта, который, как обещано, по «доброй» традиции, не приписан.

И лента движется в сторону водителя. Водитель один раз чуть замешкался, и несколько посылок выбросило на землю. Зеваки, случайно наблюдавшие погрузку, тут же воодушевились, выхватили телефоны и давай «поливать», чтобы «залить» потом видео. Дескать, поглядите, люди добрые, как почта наша, злыдня, над нашими посылками измывается, ни в грош их не ставит. Заклеймим же её позором, пусть ей будет стыдно!

Но почте не стыдно. Почте плевать. Отряхнут ваши копеечные посылки и дальше пошлют по указанному интимному адресу.

А вот хочется иногда в припадке пролетарского гнева взять молоток и расчерачить на мелкие кусочки эти гаджеты, заказанные с «Алика» и ещё не вышедшие у нас в стране! Вечно в современном мире что-то происходит, а родная сторона, как всегда, не в курсе инноваций, курит в сторонке и нефтью с газом по старинке барыжит. — А где же *наш* водитель? В отпуске? — спрашиваю на всякий случай, а то неловко работать в гнетущем молчании.

И в накладной фамилия родственника. Неужто заболел?

Водила с неподражаемой ехидцей снова вылутился на меня:

— На больничном ваш водитель! После лора! Бес-срочно! Так и передай своему Юрцу,—и сплюнул смачно,—от Пляки!

— От какого? Который сидит или который флэты заделывает? — сдуру ляпаю.

Тот не удосужился с ответом. С лязгом запер дверцы машины, вернулся в кабину...

Я на почте разных водителей повидала, большей частью усталых матершинников, но не помню, чтобы от кого-то из них мне было так не по себе! Снова пожалала плечами: дескать, моё дело сторона. Наскоро расписались друг у друга, проставила штемпелем время и отпустила машину на все четыре стороны под ближайший КАМАЗ. Хрен какой с горы! Вот проставлю тебе в системе управления транспортом не то время—будешь знать!

Мысли о водителе не дают мне покоя, но работать надо. Вскрываю поочерёдно ёмкости и ставлю на приход. Первым делом обрабатываю ускоренные отправления и посылки. К счастью,

сегодня немного пришло. Но необработанной осталась ещё и дневная почта. Короче, до газет, которые придут под утро, должна управиться.

Раньше оператором в доставке работала интеллигентная пьющая женщина Наталья Николаевна с таким же, как у её знаменитой тёзки, неопределённым и рассеянным взглядом. Она подолгу засиживалась в уборной, после чего взгляд её затуманивался ещё больше, говорила ещё путаннее. Ясное дело, Наталья Николаевна больше не работает.

И вот теперь я сажусь вместо неё за обработку. И действительно, без бутылки не разберёшься! В программе подтягиваю недостающие названия и адреса. Наши почтовые мини-сервера освобождают от почтовой информации, с тем чтобы бабахать населению новую услугу—онлайн-продажу авиа- и железнодорожных билетов.

Письма фирм, которые у нас абонируют, сразу раскидываю по их отдельным ящикам. На остальных письмах (в общую коробку) с обратной стороны указываю присвоенный в электронной накладной порядковый номер и печатаю извещения для почтальонов. Бумаги, как всегда, не хватает. Чуть ли не на оторванных обоях приходится распечатывать... Зато у нас продают макароны и прокладки! Скоро до лекарств и алкоголя доберутся. И будут сотрудники почты за те же деньги выполнять обязанности провизоров, кладовщиков, мерчендайзеров, охранников и продавцов-консультантов. До поры до времени, пока Роспотребнадзор не грянет, потому что о нормах и условиях хранения продуктов питания и гигиены на почте никто не слышал. Но им сверху виднее. Пришли новые люди со стороны, с незамыленным, свежим взглядом, почтовой кухни не знающие, выпилившие с насыженных мест старую гвардию, которая начинала карьеру в отделениях с должностей почтарей и операторов. Как у рэперов читается, прохавали жизнь с самого низа. В наследство—регламент и инфраструктура. Но как бы маркетологи ни пытались провести ребрендинг, вычистить авгиевы конюшни, выпрыгнуть из совковых трусов, поднять почту с гноища и превратить её в современную доходную корпорацию—с нами срач, страх, невежество, нищета, глухота, грубость... Какой бы оптимизации и модернизации почту ни подвергали, суть останется прежней. Видимо, нельзя с нами по-людски. Со свиным рылом—да в калашный ряд. Оттопырив мизинчик, пытаться кушать ананасы и запивать шампанским, а в деревянном клозете подтираться собственным пальцем... Потому что, повторюсь, бумаги нет! И пломб нет! Для задела страховых мешков с ценными посылками, переслать которые в ценности и сохранности почта обязалась! Зато имеются в продаже печенюшки и мороженка...

Подшиваю накладные. Письма—по коробкам в страховой отдел. Посылки и заказные мелкие

пакеты — в кладовку на полки. С одним вот мелким пакетом, правда, беда. Упаковка чуть надорвана. По весу совпадает. Надобно оклеить и писать акт о внешнем состоянии дефектного отправления. А дело это гадкое и небystрое. Смотрю на адрес. Получать придёт Сомова, ещё одна почтовая любовь Юры! Он от нечего делать павианит, любезничает, двуличничает перед ней, без очереди выдаёт пакеты. Она принимает его нечистоплотные замашки за чистую монету и по пьяни присылает срамные фотки. Он же с непроницаемым лицом долго разглядывает и показывает их нам. <...>

Плюнула и пошла дальше почту обрабатывать. Перехожу к простым ёмкостям. С этим проще: врубила штемпелевальную машину и прочедала письма. Наша машинка сварливая, гудит, скрипит, визжит, дышит на ладан, готова зажевать пальцы и разорвать, как Тузик грелку, всякую чуть упитанную бандерольку. Отправления проходят через неё тяжело. Но мы любим нашу «старушку»: хоть сколько-нибудь облегчает труд, экономит время, и другой у нас нет.

На одном из конвертов занятная марка из серии «История почты». На нарезном стуле телеграфистка со строгой причёской и в наглухо застёгнутом мундире держит ленту. Рядом начальник в накинудой на плечи чёрной шинели с жёлтой опушкой, в левой руке его белые перчатки. Под яркой двенадцатилинейной лампой сияют двуглавыми орлами форменные пуговицы, пенсне и чёрные начищенные ботинки. Видимо, собирался уходить, допустим, в театр с женой, но тут по телеграфу из департамента спустили циркуляр. Интересно, что давали в Мариинке в 1870 году? «Жизнь за царя»? За их спинами на стене плакат с изображением почтовых киботов и график движения по тракту.

Кажется, бардак на почте случился не в девятнадцатом веке, не в девяностые и не в нулевые... Бардак на почте ведётся с тех самых пор, когда в древности возникла тягловая повинность, ямская гоньба. Потом много что менялось, в том числе форма правления, общественный строй, экономическая формация, а почта так и осталась догонять ушедший поезд. Почта — отрезанный от цивилизации остров невезения, страна царя Гороха, пародия на отсталое феодальное государство. Экономит на тех, на ком зарабатывает, на чьём горбу всю жизнь выезжает и чьими руками жирует загнивает. Пообещать процент от стоимости ускоренного отправления, устроить завал на сортировке из этих отправок, не справиться с контрольными сроками, не просчитать свои возможности и... обмануть операторов с сетевой премией. У нищих последнее отобрать. На почте нельзя выполнять и перевыполнять план. На почте его можно только курить. Всё равно не заплатят и сверху ещё накинута. «Душегубы, кровопийцы!» — кричал народ в семнадцатом, хватаясь за вилы,

поджигая барские усадьбы. Мы добавляем в адрес руководства: «Иждивенцы, паразиты!»

Отлепляю гашёную марку, заменяю на другую с тем же номиналом и кладу себе в карман. Ближе к сердцу. Дома в спокойной обстановке насмотрюсь.

Я люблю обрабатывать простую корреспонденцию. Иногда попадаются чудные открытки из Питера, Крыма, Испании и Ватикана... Орфография и пунктуация сохранены.

Привет, Рамиль! Я уже второй день гуляю по Мадриду. Это очень красивый город с широкими проспектами, большими и красивыми площадями, великолепными музеями. Не хуже нашего Питера (мне удалось посетить только Прадо, в котором провела около 5 часов). Но это того стоит. Особенно — залы с Эль Греко, Веласкесом и Гойей. При этом город очень понятный, а центр довольно компактный! Осталось отправить открытку. Купить хереса и хамона, а завтра — в путь — домой!

P.S. Кстати, тут всего +1°C был с утра! Апрель!

Люди на прогулках покупают их в закрытых переулках и на открытых площадях. Отправляют своим близким, чтобы поделиться частичкой минутного счастья.

Chao, Мишаня!
Из Вечного города.
Твоя Симаня:)

До близких не доходит, а читают чужие, то есть я. Ради чувства сопричастности.

Здравствуй, Пашка! Снова пишу из Севастополя. Я провела здесь всё лето, работала. Я водила туристов по улицам Севастополя и рассказывала истории о городе и людях. Ещё была проводником в крымских горах. Лето пролетело, и скоро я покину любимый Севастополь. Меня ждёт Грузия, Саратов и Петербург. Но в следующем году мы с Крымом снова увидимся.

Я их частенько присваиваю, будто мне писали. Солидная коллекция собралась.

Тимурчик! Привет тебе, самый что ни на есть Берлинский!
Желаю найти тебе то, что ты ищешь в этом мире, и обрести внутреннюю гармонию!

Мне таких слов ни в жизнь не дожидаться. Полковнику никто не пишет.

Привет
из
ВАТИКАНА!
Здоровья!!!
Удачи!!!
Везения!!!
Отличной учёбы!!!

Люби!!!
Исполнения
желаний!!!
Так велит
ПАПА!!

Это вам не казённые судебки или административки, от которых заранее веет тленом и безысходностью. Их поток увеличивается по весне. С приходом тепла у людей открываются старые раны. Чтобы излечиться, они строчат иски и рассекают на больших скоростях. Мы знаем о наших клиентах не только по их разговорам, а главным образом по тем письмам, которые получают. Конверт при этом не обязательно вскрывать. Достаточно взглянуть на наименование отправителя. Вот, например, сутяжница из дома напротив — Абдеева. Или мой сосед Галиуллин — главный спонсор гибдд.

С одним из таких писем связан один из первых моих косяков на почте. Пришла тётка получать за мужа административку. Одна фамилия. В одной квартире проживают. Мои соседи. «Сделаю доброе дело», — рассудила я и вручила письмо, тем самым нарушила двадцать третью статью Конституции РФ. А на фотке из конверта муж с чужой фифой... Теперь имущество и детей делят. Судебки друг на друга регулярно получают. Со мной не здороваются. Вот тебе и «письма счастья».

Они хранятся, как все надежды, семь дней. А потом — назад к отправителю или в цех не розданных. Задержка с возвратом хоть на день — штраф в пятьсот рэ. Именно поэтому испытываю временное облегчение, когда невостребованное отправление по истечении положенного срока наконец возвращают отправителю. Письму не суждено выйти из круга жизни, закончить путь земной и покоиться с миром на дне урны, вскрытым и разорванным на мелкие кусочки. Его вернут к праотцам-отправителям, чтобы вновь войти в круговорот рождений и смертей, пережить ещё одно отправление: с тем же вложением, но уже в новой оболочке и с новым присвоенным идентификатором. А новенькие конверты такие чистенькие и гладенькие, как душа младенца, как ангелочки! Такое вот почтовое колесо Сансары, переселение душ, цикл перевоплощений... Да, мне не хватает живых впечатлений, потому на пустом месте возникают странные ассоциации. Что-то похожее испытываю с досылом заблудившегося письма по верному индексу. Оно, как горемычная душа, кругами шатается по аду, всё пристанища себе не найдёт. И дальше к адресату нельзя, и назад к творцу-отправителю не пускают. Это ещё хуже, чем невостребованность. Чистилище какое-то, а не почта.

После обработки у меня острое желание помыть руки. Мало того, что пальцы изгвазданы штемпельной краской. Достать чернил и плакать!

Ивешка говорит, что раньше все клиентские столы были измазаны фиолетовыми чернилами для заполнения бланков. Боже, теперь есть Интернет и множество конкурентоспособных курьерских служб. Дожили до 3D-сканеров... Почему продолжаю пачкать руки стойкой краской? Почему почта до сих пор существует? Почему жизнь не становится легче?

Та же Ивешка пугает меня пандемией коклюша. И письма в этом случае — потенциальные разносчики заразы. В старину их называли бы «погаными» и держали бы над уксусным паром... Мои пустые безответственные размышления на сон грядущий несут меня куда-то вскачь, но постепенно отпустила удила, клюю носом...

Перебывает звонок — как всегда, резкий и неприятный. Для газет рановато. Кто бы мог быть? Ломятся как не к себе. Надеюсь, не водитель? Не зря Юра остерегал меня.

Высматриваю опасливо в глазок. За дверью на крыльце шатается Ивешка с двумя кавалерами. Больничная она, видите ли, принесла... Вообще-то в ночное время никого, кроме начальника службы безопасности при предъявлении удостоверения, впускать не имею права! Даже собственное начальство — Юру с Ивешкой. И уж тем более Ивешкиных случайных мужиков. К себе она их не таскает. Дома сын-старшекласник, к выпускным экзаменам готовится, на медаль идёт.

Эх, не поспать мне сегодня! Вздыхаю и отворяю подгулявшей компании. Те с порога быстро со мной знакомятся (на этот раз экспедиторы зоопарка, возят львам уколы), включают музыку на полную громкость, на столе раскладывают бутылки, салаты, нарезки в пластике... Люблю пожрать на газете!

Клиенты думают, что у нас на почте мухи от тоски дохнут. Днём-то всё чинно и благородно. А видели бы нас ночью! Даже стены заливаются краской при виде того, что иногда устраивает Ивешка. Открытки с молчаливым осуждением взирают на её бесчинства и отворачиваются, рассыпаются... Наутро раскладываем по новой. Завтра их продадут, и никто ничего не узнает. Главное, под камерами не засветиться.

Свободный экспедитор приглашает меня на медляк и заплетающимся языком уговаривает не влюбляться в него, так как он, оказывается, женат. Я клятвенно заверяю.

Наконец перед газетами, как перед третьими петухами, вся эта экспедиторская нечисть сваливает. А я горемычной золушкой возвращаюсь из кухни-дворца в доставку. Как же душно! Навалились, надышали, надымили... Приоткрываю кое-как окно, на подоконнике вездесущие подшивки, цветочные горшки и хрустальная ваза с чернильными потёками и какой-то засохшей дрянью внутри. Благодать за окном! Тихо, все

спят. Без авто и прохожих. Только из кладовки ровный приглушённый шум неугомонного моторчика. Закрутилась в танце с экспедитором и забыла посоветоваться с Ивешкой, которая положила бы на китайский фаллос наш метафизический «болт», а приличнее говоря—махнула бы рукой, и никакой акт под её ответственность я не составляла бы.

Утро вечера мудренее. Придёт вторая голова—посоветуюсь. А пока оставляю пустой пакет здесь же, среди королевских гераней, которые вообще-то нигде не приживаются, а у нас на каждом подоконнике чувствуют себя так же по-царски. Это Ивешка озоботилась, любит ухаживать за комнатными цветами и домашним сыном.

У казённой герани много поклонников. Вот злобная бабка Шалаева, думая, что её никто не видит, дёргает молодые ростки. У нас отделение даже крапивой и чистотелом осажено, а почту всё ругают: нечистая сила, нечистая сила... Это кто ещё нечистая сила? Вот эта самая бабка-воровайка, которая тырит герань и замахивается на нас клюкой, кого хочешь до белого каления доведёт. Она бывший главбух на литейном заводе. Теперь вот память как у рыбки. По несколько раз на дню донимает:

— Отдайте мою пенсию! Почта украла мою пенсию!

— Да вы ж пятнадцатого числа получали! Вам лично начальник выдавал!

Уже и почерк её сличали. Уже и очередь её выучила наизусть. Сами готовы доплатить, лишь бы отгадить от себя! Она брошенная. Сын семейный, вечно занятый на работе. Ивешка ловила его пару раз на улице, предупреждала, проводила воспитательные беседы. Берегите бабульку! Подберут доверчивую старушку! Замучаетесь бегать по судам и отвоёвывать назад родительскую квартиру. Вот уже и участковый наш на неё облизывается. Но сын отмахивается беспечно: бабка официально недееспособная, её подпись ничего не стоит. А всё равно придётся доказывать справками да экспертизами. Увязнешь и не выберешься...

Так, остался один флэт. Тот самый, подозрительный. Почему-то у нас с флэтами (крупноформатными жёлтыми ящиками) всегда напряжёнка, чем с обычными синими. Потому смотрится как диковинный. Ещё большей диковиной кажется «акула» (пломба для затягивания и одновременного опечатывания тары). Для задела мешковой тары обычно используют верёвочный шпагат и круглые металлические пломбы, а для ящиков—пластиковые номерные. Зачем, спрашивается, пломбировать ёмкость с простой корреспонденцией, тем более «акулой»? У нас и страховые-то не всегда пломбируют. А простые письма—как макулатура в нагрузку, нигде не приписаны, не отслеживаются, выдаются без расписки, потому легко теряются.

У «акулы» есть специальное ушко для крепления ярлыка и удерживающие шипы. Поэтому её иногда называют не «акулой», а «крокодилом», у которого тоже на морде такие же впечатляющие гребни. Интересно, кто сильнее: белая акула или гребнистый крокодил? Размеры обоих—шесть метров в длину. Но акула по весу превышает на тонну. Она скоростная и отлично маневрирует. Зато её челюстная мускулатура, чтобы одолеть врага, недостаточно развита. И не подозревает она, что лишь по этой причине жители малайзийских островов используются её в качестве приманки для крокодила, который в схватке обязательно попытается перевернуть её на спину, чтобы разорвать горло и мягкое брюхо. Ну, или хотя бы нанести увечья, лишит плавников. Но сам рискует задохнуться под водой, если поединок задержится, не разомкнёт вовремя челюсть и не всплывёт на поверхность для спасительного глотка воздуха. А всплывёт на поверхность непременно брюхом кверху, чем окажет противнице, вернее, её зубам, незаменимую услугу...

Руки, как от моря, чешутся. Спать хочется. На всякий случай флэт взвесила. Подозрительно лёгкий. Не бывает таких расхождений! Будто пустой заделали. Интересно, что там? Пять апельсиновых зёрнышек? Трезвой не рискнула бы прикоснуться. Из врождённого чувства противоречия, пробуждённого алкоголем желанием насолить Юре, хватаюсь за ножницы, разрезаю пломбу, вскрываю... Не успела или не захотела разглядеть как следует: что-то вроде окровавленного вялого листа капусты или изжёванного комка серой бумаги. Зато в глаза бросился рисунок человеческой ушной раковины... В сердце моё, певшее недавно соловьём, пробирается жуткий холод. Ведь это в моём воспаленном воображении, да? Только не наяву! Ноги ослабли, не удержалась на них и, потеряв ощущение реальности, почвы под собой, провалилась с затуманенным взором куда-то в себя. Долго меня провожал вниз мутный потолок, пока я не потеряла его из виду, очертания размыло, и провалилась куда-то в подпол, где ничего, кроме противного тошного холода.

Последствия

Очнулась от звонка в мою голову. Еле осматриваюсь. Едва соображаю. Каждое движение болью отзывается внутри. Будто кирпичом по голове съездили. Корчусь, извиваюсь и шиплю на грязном полу, как змея... Стоп, почему на полу?

Снова звонок, но уже в дверь. Почтальоны! Половина седьмого утра! Нехило в отключке провалилась. Кто-то подложил под голову стопку утренних газет, которых я, странное дело, не успела принять. Не иначе полтергейст сердобольный на почте завёлся. В жилых домах—домовой, на почте—почтовой. Забавно, но ладно. Потом наедине с собой

всё выясню, восстанавливаю в памяти все события ночи, как отсутствующие звенья в цепи. Ничего в голову не идёт, лишь смутные образы, вернее, даже не образы, а ощущения от них. С трудом что-то припоминаю и приподнимаюсь. Всё плывёт и кружится перед глазами. Подхожу к двери, с трудом целюсь в глазок и вижу, что почтари, устав ломиться, невозмутимо курят на крыльце доставки. — Ты чего, мать, заснула? Мало почты, значит, ночью привезли.

— В туалете сидела, не слышала,—прикинулась заспанной дурочкой, как оно есть, пожимаю плечами и чешу в затылке.

На затылке ощутимая такая шишка! Надо холодное приложить. И выпить холодного тоже не помешает.

Наши почтари сделали вид, будто поверили, а сами себе в подкорку записали, на ус намотали, козырь в рукав затиснули. Раис и Райса, пожилая бездетная пара, сочтавшаяся узами брака на почве общей страсти к «Салавату Юлаеву» и к рытью в мусорных баках, благодаря чему, подозреваю, обставили квартиру. То есть в свой единственный выходной день они либо на матче, либо на барахолке. Помимо башкирского хоккея, бессмысленного и беспощадного, почтари по отношению к существующему начальству находятся в вечной оппозиции. Эти скрытые диссиденты политически грамотны, жизнью, как их туристические свитера, изъедены, дорогами и ветрами помотаны. На всё имеют своё мнение, часто веское и не последнее, а если что-то непонятно, очень доходчиво и толково разъяснят. Они ненавидят власть в любых её проявлениях. Стоит догадаться, как они относятся к нашему пану директору, ярчайшему её проявлению. Им палец в рот не клади, и сами в свой дырявый карман за словом не полезут. Никогда не обольщаются и всегда готовы к худшему. Представляю, какие запасы соли и спичек у них дома! На случай ядерной зимы или пятого переизбрания. И это не может не обнадеживать. Предыдущего почтальона, старичка Сергея Сергеича, в день пенсии ограбили и убили в подъезде. Преступника до сих пор не нашли.

При этом, если любимая команда в кои-то веки победила или копание на свалках принесло свои плоды, тогда почтари — душики! Они прощают пану директору его существование. И вообще-то, выясняется, умеют договариваться с клиентами. Они достаточно для этого гибкие и адаптивные. Но при этом ужасно злопамятные и мстительные. Тех, кто не желает находить с ними общий язык или, не дай Бог, пожалуется наверх, ждёт неминуемая расплата. Они затихнут, погрузятся в тёмную воду, как коварные аллигаторы, и в самый неподходящий момент... ничего не будут делать. Простые письма, платёжки, извещения — в общем, всякая корреспонденция, которую нельзя

отследить, канет в воду. И всё, тебя больше не существует. Ты ноль без палочки. Потому что в твой почтовый шкаф не приходит ничего! Тебя поставили в игнор! И кто? Какая-то почта... Как говорят стендап-комики в своих одинаковых выступлениях: «Чува-ак, да ты просто жа-алок!»

—...Сто сороковая квартира! В этом доме нет столько квартир! — ворчит перед «выпасом» (разносом на участке) Раис, вздевши длани. — Сто сороковая квартира?! Я на столько же кусочков его не разорву, — и грозит неодошевлённому письму: — Иди-ка ты на возврат, голуба моя... Семидесятый дом? Ага, приду, когда его достроят. Вали-ка ты подобру-поздорову тоже назад...

Мир почтальона сужен до его участка, другого не существует. И когда в этот тесный мирок ошибочно залетают другие адреса, у почтальона возникает сбой. Он сильно расстраивается, что его потревожили извне, спешно избавляется от навязанных интересов.

Это лучше, чем пойти «на экспресс-доставку», что на их циничном, безжалостном аргументе означает «на выброс». Не знаю, как правительство, а наши почтари определённо ратуют за убыль населения. Каждый житель — потенциальный получатель отправления. Меньше народу — меньше разноса, и нормативы по времени соблюдаются.

Чего-то не хватает. Неутомимая игрушка Сомовой не гудит из кладовки. Батарейки, видно, не выдержали... Вспоминаю о ночных бдениях и холодею от ужаса. Ни злополучного флэта, ни отрезанного уха... Будто приснилось. Может, не было ничего? Это в голове моей что-то испарилось? Короткое замыкание, не иначе. Встретив ночью Ивешкин пьяный зоопарк, от алкогольных возлияний пропустила границы яви и сна?

Но ведь машину принимала до того, как подгулявшая компания суда заявлялась, и тогда трезвость свою не подвергала сомнению. Значит, был флэт! Как был и резиновый фаллос, на который в здравом уме и твёрдой памяти хотела составить акт! Кинулась к накладным. Вот он, этот мелкий пакет из Гонконга, вернее, его номер! Бросилась под стеллажи — вон он валяется сдохший! В поисках флэта обшарила все подоконники, столы, полки — всю доставку, всю кладовку, весь страховой! Даже на кухне искала! Даже почтальоны за меня переживать стали. Ничего не понимаю... Голова идёт кругом. Срочно домой. Отмываться и отсыпаться. Глядишь, после спасительного душа и исцеляющего сна всё станет на свои места, прояснится само собой. По старой привычке набрала в карман горсть канцелярских скрепок. Это мне напоминание о дедушке, который для своих разных поделок просил у меня... С тех пор хоть старый гвоздь, но с работы что-нибудь да унесу. На чём сижу, то и тащу в дом. В моём случае — гнутые скрепки.

Собравшись, в дверях столкнулась с Юрой. Что-то рано сегодня. Непонятно, кто из нас «птица перепил»? Чей перегар слышнее и свежее? Он мельком глянул на меня, растрёпанную и перепуганную, вернее, мы переглянулись, как сообщники и собутыльники, я — на улицу, а он, не здороваясь, рванул к себе и там заперся изнутри.

Не к добру. Когда у пана директора хорошее настроение, то его кабинет — проходной двор, дверь нараспашку: всех запускает, всех выпускает. Запросто стрельнуть сигарету или конверт без спроса взять. В дурные дни попробуй зайти, ляпни или тяпни что-нибудь без разрешения. Четвертует, покрывает и в этот же конверт положит.

В своей согревающей хрусткой постели мыслями всё ещё на почте. Всё ещё себе чужая и противная. Есть фильм ужасов «От заката до рассвета», а есть почта ужасов «От зарплаты до зарплаты». Кажется, сегодня побывала и там, и там. Даже после прохладного душа ощущение, будто застряла внутри великанши, которая всё никак не отрыгнёт меня, наоборот, всё больше затягивает в утробу. В дрёме, как в её желудочном соке, растворяюсь и одновременно окунаюсь в знакомую атмосферу рутины и паники...

А вечером опять в смену. Делать нечего, не сразу встаю, долго собираюсь, нехотя ужинаю, сильно туплю и спускаюсь в свой личный ад!

Гуля днём одна работала. В злобной тишине закрывает кассовый день. В «царском» кабинете густо дымят и тоже мрачно отмалчиваются. Значит, не помирились. Хотя пану директору ничего не стоит растопить её сердце. Достаточно назвать её по имени. Но Юра не из тех, кто извиняется перед девочкой за помятое платье.

Чтобы ненароком не столкнуться с Юрой, помогаю Гуле заделать мешки и ящики. Не знаю, как поделиться с ним тем, что произошло ночью. Даже не заикаюсь. А какие подобрать междометия? Ведь только они и годятся для моего бессвязного рассказа. Пережитый ужас не поддаётся описанию. А если всё же облечь этот кошмар в слова, то получится ерунда... И ещё мне кажется, что он всё знает. И оба мы сходим с ума. Поодиночке. Из-за одного того же. Чувство какого-то досадного упущения не даёт покоя.

Закончив с кассой, Гуля демонстративно пулей вылетает из страхового. Даже не поблагодарила. Минут через пять звонок, как всегда некстати, подкидывает меня как на пружине. Будто с личным поймали! Странно, для машины ещё рановато. Привычно высматриваю в глазок: на крыльце доставки Шурик и Эдик. У Юры робко выспрашиваю: впустить? Он заметно напрягается и, поразмыслив, всё же даёт добро.

Шурка, днём такой балагур, входит темнее тучи, едва взглянул на меня, больно задел плечом и сразу, держа руки в карманах, двинулся в Юрин

кабинет. Ах ты, Шурка, деловая колбаса, подойди ко мне ещё!

— Исәнмесез, — глумливо здоровается с паном директором. — Как халляр?

— Вашими молитвами, — так же задиристо отвечает тот.

Следом за Шуриком — участковый Эдик, и тоже с видом пришедшего по конкретному делу. При этом дебильным голоском тянет:

Пи-иську, письку снова на почту несучу,
Сло-овно я роман с продолжением ищучу.
Зна-аю, точно знаю, где мой адресат, —
В до-оме, где резной палисад.

Вот из-за кого впору чертить по ночам меловой крут. Участковый, бл***! В какой шараге учат на таких участковых? Просто не похоже, чтобы человек, по его же словам, имел высшее юридическое образование. В его голове и в его телефоне собирается разный хлам. Он слушает пранк и смотрит порно. Короче, обожает человеческие мерзости. И ему не терпится поделиться этими мерзостями. Чтобы другим стало так же хорошо или плохо. В этом смысле с работой ему повезло. Где, как не в полиции, вынуждены копаться в адовой грязи? Почта в этом смысле рядом не стояла. По сравнению с полицией почта — институт благородных девиц. Хотя обе на «П». В этот раз у него в телефоне скандально известный актёр П. практикует пеггинг. Видео показал всем. Даже мне.

— Ладно бы там бабы участвовали, — не оценил Юра, поморщился.

— В отделе тоже сразу в пидорасы записали, — Эдик вынужденно убрал телефон. — Это же антикультура! Это протест, бл***!

— Протест, — закашлялся Шурик. — Ты вообще-то представитель власти...

Всё это я слышу через приоткрытую дверь. Шурик спохватывается и закрывает её плотнее, но до меня в пустом клиентском зале, где в гулкой тишине шум кондиционера и холодильника и я безрадостно вожу по цементному грязному полу вечно сырую вонючую тряпку на палке, долетают некоторые вполне мирные обрывки:

—...А хорошие у тебя девочки работают, — оценивает Эдик.

— Плохих не держим, — отвечает пан директор.

— Особенно Гулька. Но седалище такое, что одному не справиться. Я худых люблю.

— А тебе много не надо — сто грамм да бабьей жалости чуток...

Интересно, что обо мне говорят, когда думают, что ничего не слышу?

Но постепенно от дежурных фраз переходят к крепким словечкам и открытым угрозам. Сердце заколотилось, и шум кондиционера с холодильником, кажется, усилился. Непослушная дверь

снова чуть раскрывается, и доносится больше необходимого:

—...Ты не огрызайся, мы вообще-то по старой дружбе предупредить тебя пришли...

— Ваша дружба, выходит, не старая, а бывшая? — подкалывает Юра.

— А ты как хотел? — возмущается Шурка. — Мы тебе такое место пригрели, к деньгам нормальным приучили, колбасу начал покупать... Но ты, Юрец, как всегда, на ровном месте всё похерил. Такую «дорогу» испортил! Нам эта «дорога» знаешь как досталась?

— А всё потому, что ни хера дельного делать не умеешь, — объясняет Эдик, — руки не из того места растут. Почта — твой жизненный путь, такой же бездарный, как и ты сам.

— Только вот попрут его отсюда. Даже здесь ты не стодишься, братан.

— И чтоб всю жизнь потом на хачей работал. Жили без тебя нормально, работали...

— Мы за тебя поручились, а ты нас так подставил со своим родственником!

— Он мне не родственник.

— Ты его привёл! — напоминает Шурка. — Ты его водилой определил. С тебя и спрос. А он всё это время крысил у тебя под носом — и знаешь у каких людей? А ты его прикрывал! И нас за собой утащить надеешься.

— Вовремя ты перевёл стрелки, Сань.

—...И х**и им толку от ваших бесплатных жизней? — продолжает свою мысль Шурка. — Родственника уже наказали. А с тобой что делать, Юр?

— Короче, как ущерб возмещать собираешься? Как «недосдачу» отрабатывать будешь? Месяц тебе срок, понял?

— Ты мне сроки не ставь, понял? Эдила-мудила...

— Ну, значит, тебя поставят, — обещает Шурка. — Выбирай: или к стенке, или раком.

— Хайло своё завали, пока кадкы не вырвал! — не выдерживает Юра.

Шурка, потеряв терпение, со всей дури заехал Юрцу. И Эдик следом за ним добавил, обрушив на голову бывшего друга табурет, на котором только что сидел.

Когда по е**лу получает твой мужчина, когда слышишь, как клацают от чужого кулака его зубы (самый чудовищный звук), всё, во что верила и на чём стояла, рушится. И рушится, казалось бы, несокрушимое, незыблемое, основа основ.

Юра как ни странно, сдачи дать не пытается. Лежит нелепо в обломках стула. Не догоняет и не сопротивляется. Только, закинув голову, с хлюпаньем втягивает носом кровь. И проверяет на ощупь здоровенный гуль над глазом. Знает кошка, чьё мясо съела. Таков порядок. Субординация. Иерархия, где он, оказывается, не на первом месте. Всего лишь промежуточное звено, как бы влюблённым в него девушкам ни хотелось обратного.

— Тихо, Эдик, хребет ему сломаешь, — смягчается Шурка, обсасывая костяшки пальцев со свежими ссадинами.

— Ярый хребет. Он мебель на почте ломает, — жалуется Юра, приподнимаясь с пола.

— Юрец, тебя на бабки поставили, а ты о казённой мебели печёшься. Кто о чём, а вшивый о бане...

Я успела спрятаться на кухне, когда эти двое вышли и свалили окончательно. Через несколько минут выползаю из укрытия и осмеливаюсь заглянуть с аптечкой.

— Чего уставилась? — Юру бесит мой жалостливый взгляд. — Ищи давай!

— Кого?

— Что! Пакет мелкий, который прое*ала! Сомова сегодня приходила, разорялась, массажёр ждёт невъезженной, между прочим, цены. Ты ставила ночью на приход. А теперь ни пакета, ни полки присвоенной, ни извещения. Гулька всё обыскала сегодня.

Ах ты, гад! Самотык нимфоманки Сомовой дорожке зарплаты родного оператора! Уже и кровь из носа не течёт. Потому что у самого вода вместо крови. И воду из крана как ни в чём не бывало наливают себе из чайника, заваривают пакетик. Собирается чай с сахаром вприкуску пить, как старый хрыч! Его на деньги поставили, а он на меня стоимость срамного уда хочет спихнуть.

— Я не только массажёр потеряла. Ещё и флэт. С ухом...

По лицу пробежала тень.

— Ты про что вообще? — как можно беспечнее спрашивает Юра. — Дэвида Линча насмотрелась? Или просто мухоморов степных объелась?

— Про тот, что Пляка на сортировке заделал. И водела новый без накладной привёз.

— А про нашего водилу ничего не сказали? — вкрадчиво интересуется Юра, но голос при этом чуть дрожит.

Ну наконец-то что-то человеческое в нём происходит!

— На больничном. Пошёл к ухогорлоносу и... заболел.

— Так и сказали?

— Нет, сказали «к отоларингологу».

Шутка не удалась.

Он меняет тактику. Как бы между прочим, держа в руке горячую кружку, выходит из-за стола и присаживается на его край передо мной:

— И где же теперь этот флэт неприписанный? Я же просил оставить.

— Плохо мне стало, — признаюсь честно и делаю шаг назад.

— Дрыхла, наверное, — издевается он, спокойно отпивая из дымящейся кружки.

— А пока мне плохо было, — настаиваю, с опаской косясь на его кружку, от которой даже мысли будто ошпарены, а его губам хоть бы что, — кто-то пришёл

со своим ключом и забрал флэт,—многозначительно произношу, опустив очи долу,—а ещё принял газеты и стопку мне под голову заботливо подложил. Не иначе барабашка! Домовой-почтовой.

Всё это время он, закусив губу, бесцеремонно, как бы в задумчивости, изучает меня. Будто впервые увидел.

— Тебе это всё приснилось,—с насмешкой убеждает меня,—никакого флэта не было.

— Значит, массажёра Сомовой тоже в помине нет,—и на этом ставлю точку.

Юре сказать больше нечего. Вместо продолжительных споров вплотную подступает ко мне и другой рукой берётся за горло. Почти хватается. Клешия у него властная, а шея моя тонкая, почти усохшая от недосыпов и ночных переживаний, и кажется, что большой и средний пальцы его вот-вот соединятся в обхвате. Это перед Шуркой и Эдиком он дал слабину. А меня заломать ничего не стоит. Мне не хватает воздуха. Но его это не смущает. Он сильнее сжимает руку и склоняется надо мной. Кажется, задыхаюсь. Зато есть возможность как следует рассмотреть его глаза, определить, почему такого сложного мозаичного цвета. Оказывается, при тусклом свете зрачок его расширяется, поглощая вокруг себя янтарный звездчатый ободок, остальная часть радужки из приглушённо-медно-зелёной, болотной окончательно становится сине-зелёной, морской. Если выживу на почте, то потом непыльными свободными вечерами обязательно буду мечтательно перебирать в памяти оттенки его глаз. Как невесты в старину, купеческие дочки, которые любовались перед камином своим приданым из сундуков—обработанными, сверкающими гранями уральскими самоцветами.

Но надолго меня не хватило. Вырываюсь в панике, он отводит руку от греха подальше, хочет поставить кружку на стол, но не успевает, кипяток выплёскивается на него, несколько капель достаётся и мне. Я кидаюсь к двери. А он в бешенстве кричит вдогонку:

— Вернись, падла! Прогул поставлю...

Но тут меня и видел! Не до прогулов теперь. Не до жиру, быть бы живу. Забегаю в свой подъезд мимо сирени, свидетельницы прошлогоднего Юриного трудоустройства. Когда он пришёл в сентябре, этот высокий зелёный куст будто с катушек слетел! Тогда на его разросшемся скрученном стволе, вопреки осени, распустилась нежным цветом ветка. Теперь же нынешней весной эта ветка окончательно засохла.

Прибегаю домой, свет не зажигаю, не раздеваюсь—сразу в кровать, которую с вечера не заправляла. Долго, как в родительской утробе, ворочаюсь, ищу удобное безопасное положение, пинаюсь... Но колотит под одеялом до жути! Всё кажется, что придут за мной, вызвонят в дверь и утащат вниз.

Сбилась режим. Не могу заснуть. Сбилась с курса. Как дальше жить? Что это было? Попытка изнасилования или попытка убийства? Эрос или танатос? И Шурка туда же! Обернулся зверем. Мы ведь на этой почте как родственники, пусть и дальние, но всё же... Не знаю, сколько времени прошло. Не высовывая носа из-под одеяла, приподнимаюсь на локтях. В противоположном доме зажгли окна. А ведь Ивешка сегодня снова собирается кутить на почте. Привалят «цыгане шумною толпою», а там сидит чёрт лысый из другой сказки. А сказка у него страшная. Кажется, про золотого петушка...

Набираю ей, чтобы предупредить и заодно поведать о делах наших скорбных. Ивешка как раз собиралась с экспедитором на свиданку.

— Отмена! У нас «душманы» в отделении засели. — Ага,—расстроилась.—Опять, значит, флэт неприписанный придёт?

— Вчера ещё приходил,—вздыхаю и плачу,—и пропал.

— Как пропал?—поперхнулась в трубку...

Серьёзный разговор

Утром ноги сами идут в отказ—не желают больше спускаться в этот затхлый колодец. Из него я пила как из чаши забвения и пребывала в пограничном состоянии—между сном и явью, между небом и землёй. Будто любовного яду пригубила. И всё было мало. Неутолимая мазохистская жажда настоящей жизни, унижений и страха. На почте не могут работать нормальные люди. Там остаётся народ пропащий, конченный, живущий по принципу: чем хуже—тем лучше. Чтобы проверить себя на предмет поведенческих отклонений, совершенно не обязательно записываться на приём в пнд. Вот пришла на почту, понравилось—всё! Без всякой справки диагноз налицо. Мы получаем удовольствие истязанием—оказанием населению почтовых услуг.

Юра—главное отклонение от нормы, под которую постоянно неестественно подделывается. Не умеет вести себя в соответствии с социальными установками. Не вписывается ни в одну схему. Вне рамок и вне системы. Под широкими веками и сдержанной рассеянной улыбкой скрывается главное—сильная потребность в свободе, авантюрный склад характера, который, как ни старайся, никуда насильно не задвинешь! Не будет всю жизнь копаться в цифрах и корпеть над бумагами. В этом его обойдёт усреднённая и усердная бухгалтерша Ивешка. Единственный выход—нарушение закона. С такими обходами загонит себя на край пропасти. Не удержится—и разнесёт его к е*ням.

Сама я и пришла в отделение сразу после школы. Потому что не поступила. Звучит как заезженная, растиражированная исповедь проститутки из газетной статьи. Наверное, такие статьи я первое время и сочиняла бы, если поступила бы,

как мечталось, на журфак. Когда люди узнают, что работаю на почте, смотрят не то с откровенной жалостью, не то с затаённым ужасом, как на добровольного прислужника сатаны. А я ни в какой секте не состою, максимум в подпольной организации ТОТР.

Некоторые наивно полагают, что нет ничего проще: сидит почтовая тётка на попе ровно, марку клеит, очередь собирает, мир ненавидит, чертей вызывает... Неквалифицированный труд. Проще некуда. Я сама на это повелась. Думала, перекантуюсь. Оказалось, это всего лишь вершина айсберга или, наоборот, язычки адского пламени, пар из котла. Бездна разверзлась подо мной, но было поздно, чертенята бережно подхватили меня под локотки и понесли вниз. Первые полгода тряслась жутко. За день до смены портилось настроение. Чем ближе день «Д», тем учащённее сердцебиение, бледнее кожа, «деревяннее» мышцы. Не понимала, что за на х** такой в моей новой жизни творится. Эта взрослая жизнь? Она такая, что ли? Обломись, бабка, ты на корабле! И невдомёк никому, как бьётся сердечко маленькой почтовички в старушечьей синей юбке и мужских туфлях, которые по складской накладной идут как «дамские». Ощущение, будто почта боится, что у неё из-под носа уведут самых перспективных и многообещающих. Как Панас Петрович боялся за красавицу Людмилу Добривечёр в «Королеве бензоколонки». Поэтому из года в год почта снабжает своих операторов формой из остатков дореформенного кроя.

Но теперь—баста! Одним росчерком расквитаюсь со всем ужасом и срамом. Расплюёмся со счастьем. Потом уже буду думать, куда податься и чем прокормить себя. Приглашение на творческое собеседование мне точно не светит. Журфак—не про меня.

Говорят, по статистике больше половины потом возвращаются. Помыкаются блудные дети и возвращаются за своей верной бюджетной копеечкой. А лучшей доли всё равно не бывает. О ней только в сказках пишут и в новостях врут. Я вот тоже с первого класса мечтаю о пенсии. На почту идут горемыки, не пригодившиеся, списанные в утиль. Или потому что график удобен. Потому что работа рядом с домом. Потому что зарплату вовремя выплачивают. Почта не кинет, как другие АО. Задерёт до смерти, но заработанную копеечку бросит на свежую могилку, никуда не денется. Ведь, кроме почты, никто не приносит пользу. В стране ничего не производят. Почта—последний остров стабильности. Все фирмы, которые у нас абонировали, постепенно закрываются. Их забрасывают судебками, они вроде сначала бодаются, ходят на все заседания, а потом затихают и вовсе исчезают.

Лишь бы подписал заявление. А куда денется? Пожалее ли обо мне? Заставит отрабатывать? И за положенные две недели они меня с Шуркой

и Эдиком и грохнут среди ночи. Кому нужны лишние свидетели?

Тяну себя на подъём. Я сломанная кукла, мне сломали жизнь, но по инерции, как заведённая, без умывания и завтрака, послушно поднимаюсь, одеваюсь и спешу вниз.

Неслыханное дело: пан директор уже на месте! В его кабинете снова разгорается свара. Неужели Шурка с Эдиком привалили? Или ревнивая Гулька сцены закатывает? Подкрадываюсь к двери, высматриваю в щели и чутко прислушиваюсь:

—...Ты хоть представляешь, с какими людьми вы связались? Кто над вами стоит? Этот Пляка со своей наркотой до греха вас доведёт,—Ивешка скорбным тоном проводит с Юрой воспитательную беседу. В качестве поддержки пригласила почтарей, которые пока соблюдают нейтралитет, отмалчиваются.—Совсем ты берега попутал, Юра. Не чувствуешь, что живёшь. Ничего полезного не делаешь. Только девок портишь. Ни та, ни другая не хотят больше работать. Каждый вечер выслушиваю...

—Ты с дуба рухнула?—оскорбился Юра, про девок—мимо ушей.—Скажи ещё, что наркоту на приход ставлю и барыжу из-под полы потихоньку.—Вас же прибьют!—хватается за рыжую голову Ивешка, боязливо прижимает свои лисьи уши.—Теперь ещё и нас зацепит.

—Юра, а уходи-ка ты с почты!—неожиданно предлагает Раис.—Не твоё это место. Иди сразу в «Газпром». Или в Кремль. Там таких желающих до хорошей жизни много. Там твоим имперским замашкам найдут ценное применение. А мы здесь, нищие и убогие, как-нибудь без тебя обойдёмся.

Юра, уходи... Не твоё это место... А то чьё же? Никто ведь с детства не мечтал о почте. Как в Спарте, побросали нас всех в яму «*apothetae*». Мечтали устроиться в школу, полицию, банк (хотя в сберкассах уровень самоубийств сотрудников бьёт все рекорды)...

—Мы тут орём друг на друга, косячим, теряем, бухаем,—продолжает Райса,—но никто ни разу ничего нарочно не вскрыл и не скрысил (у тебя же это часто наблюдается). Замечал, на посылках пишут: «Запрещённых вложений нет»? Читай чаще и внимательнее.

—И никто ни разу никого не ударил,—добавляет Раис.—А сейчас у меня стойкое желание загасить тебя.—Ну так в чём же дело?—приподнимает Юра бровки.

—И уж тем более ни разу к нам не приходили бандюки с угрозами. Всякое было, и в девяностые в том числе, но до такого только ты додумался! Со своими делами уходи-ка ты в другое место. Уходи по-хорошему. Мы связисты. А не бандиты. И не барыги. И не чинуши. А вот кто ты—мы до сих пор не разобрались...

А вот Юра, кажется, догадался, до него дошло кое-что, но вида не подал, а только изрёк скорбно:

— Я-то свалю с семьёй — и поминай как звали. Но они-то повесили деньги на отделение. Не найдут меня — и они сожгут это отделение вместе с вами.

Ивешка как заскулит, как взвывает да как залепит Юрцу пощёчину! Бедненький, что ж его несчастному рыльцу так не везёт?

Тем временем снаружи собрался страждущий народ, ломится в дверь, подгоняет нас, дармоедов. На часах восемь ноль одна. Хватаю связку ключей и бегу отворять.

— Почему вовремя не открываете? — с порога озадачивают меня Юрина Кураторша с почтамта, пропуская вперёд клиентов.

Молодая стерва, принесла тебя нелёгкая! За ней ещё несколько человек с казёнными лицами и бейджиками на груди. Бурнаши на крыше! Проверка!

Мне нечего сказать. Вместо ответа растерянно развожу руками. В этот момент все как один устремляются взорами на страшный грохот и истошный вопль, перекрывающий общий гомон клиентов. Я оборачиваюсь: из Юрино кабинета, сорвав с петель дверь, раскидав операторские стулья, перекинувшись через операторские столы, вываливается в клиентский зал спутанный клубок извивающихся человеческих тел и катается по бетонному полу на глазах у всего честного народа. На потеху публике, к ужасу инспекторов... В наступившей сосредоточенной тишине мои коллеги с перекошенными лицами, выпученными глазами и разинутыми ртами кусаются, дрыгают ногами, размахивают кулаками. Их молчаливую возню изредка нарушают клиентские смешки, вспышки на телефонах и беспомощные крики Кураторши. Юра пытается отбиться от повисшей на нём совершенно невменяемой Ивешки. Раис со зловонным оскалом набрасывается на него с другого плеча, пытаясь оторвать рукав и все имеющиеся пуговицы. Райса бьётся в истерике и безуспешно пытается отодрать своего благоверного от тела начальства, но в этом ей мешает Ивешка. Я запуталась, честно...

В мстительном запале, в накопившейся за несколько месяцев дикой злобе, ни на кого не обращая внимания, этот неразборчивый ком высыпается на крыльцо, где Юре удалось-таки вырваться, откашляться, оттянуть ворот и добежать до торца, чтобы спрятаться в доставке. Он, запыхавшись, судорожно пытается по памяти набрать дверной код, но неутомимые преследователи тут же сбивают его с ног, и они снова валяются друг на друга...

Последняя смена

Вообще-то драки и пьянки на всякой работе запрещены. Наша почта — не исключение. Но работать работу некому — у нас хронический дефицит кадров. Потому всем досталось по выговору. Даже мне впяли. Но всё же дорабатываю две недели.

Юра подписал заявление. И глазом не повёл. Будто муха в окно улетела. С Гулькой помирился.

Но есть и свои плюсы. За оставшиеся две недели ни разу не докопался до меня. Даже в сторону мою не глядит. Уж лучше бы орал и придирался. Но ему не до меня. Потерял в весе, лицо осунулось. Думает, где деньги взять. Ума не приложу, как он будет это делать. А ещё Сомовой восполнять потерю. Ну, здесь-то он справится. Натуру никто не отменял. Драку, кстати, выложили в сеть. Куча просмотров. Клиенты до сих пор попрекают и злорадствуют. Почтальоны с синяками, начальство в царапинах... Друг друга ненавидят, но работают.

Так вышло, что последняя моя смена приходится на ночь. Долго отнекивалась, не хотела подписывать график, но меня заверили, что в Багдаде всё спокойно, можно не переживать. Обмена не будет — машина не приедет. Только газеты принять. Отлично! Сейчас «добью» последнюю ёмкость, которая с дневной машины осталась, — и до четырёх утра под усыпляющую морось спать! Но на пустой желудок не работается. Свою стопку «бутиков» ещё в обед сточила. Пошла на кухню «чифирить» и подъесться.

Но на кухню лучше не заходить. Холодильник разморозили и отмыли. Ивешка, чистюля, бдит. А раз размораживали, значит, большинство продуктов на выброс. Поживиться нечем: ни вялым огурчиком, ни задумавшимися сосисками. Иду в Юрин кабинет, который не всегда ставят на сигналку и часто не запирают на ключ. Мысленно потираю ладошки: сейчас поживлюсь, раздобуду что-нибудь в ящиках или на полках.

Кто ищет, тот обрящет. В Юрином столе сухая ириска и какой-то травяной сбор, который он частенько наяривает для бодрости. Иван-чай, что ли? Не очень люблю все эти «фиточаи», от них давление падает, оно у меня и так ниже плинтуса, как и моя растасканная к херам юная жизнь. Но, как говорится, на безлюдье и Фома дворянин. Не всё же кипятком обходиться, чтобы только чувство голода заглушить. Отсыпаю себе чуток в кружку — вряд ли заметит. Пока заваривается и остывает чай, просматриваю бумажки на столе: спущенные приказы, всевозможные отчёты, товарные накладные, информационные письма, служебные записки, черновики, на которых цифры, цифры, цифры... Они у Юры никогда не сходятся. И жизнь такая же — не сходитсся с задуманным. Боже, как всё это теперь далеко от меня! Вырвалась из плена и больше ни ногой!

Чтобы снова почувствовать обретенную свободу, подхожу к решетчатому окну, за которым сетчатый дождь, и курю в узкую форточку. На широкое крыльцо доставки выползает прохладно, мокро и боязно. На краю обширной лужи, под фонарным столбом, умывается серо-дымчатый котик в белых носочках, который на мгновение

зевнул, показав красненький треугольник пасти. Рядом в этой же воде с радужными бензиновыми пятнами голубь полощет свои когти и тут же пьёт из неё, хотя рядом лужа меньше и чище. Странно, котята в этом дворе каждый год новые и разные, а птицы всё те же. Так и дни наши, словно старые голуби, не меняются, вязнут в грязной луже, вечной выбоине для сбора осадков, которую наблюдаем круглый год, от которой нет спасения. Это наша метка, зарубка, её не лагают, чтобы не забывали, кто мы есть и где живём.

Помню, несколько лет назад в сми полоскали новость: в каком-то отдалённом населённом пункте начальница одного из отделений вместе с гражданским мужем умыкнула несколько мультёнов, предназначенных для пенсионных выплат. Их очень быстро нашли, но лишь потому, что они особо не прятались и деньги не ныкали. Наоборот, жили открыто, на широкую ногу. Тут же махнули на юга, где отлично кутили, сорили деньгами: ночевали в пятизвёздочных отелях на шёлковых простынях, в изысканных ресторациях заказывали элитные вина, закусывали морепродуктами, любовнику выбрали авто представительского класса, купались в тёплом море и грелись в джакузи. В общем, вели себя так, будто украденная сказка не закончится никогда. Хотя изначально это путь в никуда. Им не было жаль этих денег, потому что деньги им не принадлежали и их было вдоволь. Им не было жаль себя, не думали о наказании, ведь предыдущая нищая жизнь уже была сущим наказанием.

Общество разделилось. Одни на словах осуждали и молча завидовали. Другие жалели и возносили до небес. Для них эта баба стала кем-то вроде Робин Гуда. Её бессмысленный поступок — акт самоуважения, форма протеста в связи с региональной политикой, направленной на обнищание народа, несправедливым распределением финансов. И, как подтверждение, на заседаниях показательного суда через решётку — её глаза! Горящие адским огнём, удовлетворённые, насытившиеся, наперёд прожившие несколько полнокровных жизней, а не тянущие из года в год ту же серую прочную ляжку.

Интересно, что происходит в головах людей, которые так неоправданно рискуют? О чём они думают? Наверное, о том же, о чём сейчас болит голова у Юры. Решился бы он на подобную авантюру? И если да, поехал бы я за ним?.. А он позвал бы?

Один столичный журналист даже приезжал в тот убогий заштатный городишко, где увидел такую же миргородскую лужу перед отделением, как у нас, и коллег, все как одна, с химкой и в люрексе. Наша Ивешка не носит химку и люрекс. Стрижётся коротко, красится в рыжий цвет, хотя от природы пышные пшеничные волосы. У меня в голове тоже иногда попадает плотный кудрявый рыжий волос. Вырываю безжалостно и подолгу

разглядываю на свету. Потом перехожу к веснушкам на лице. Начинаю одолевать сомнения... Но это, видимо, просыпается во мне пращур Сашка, которого в годы Крестьянского восстания женили на смуглой башкирочке Фатиме. Так ящички казаки и южноуральские инородцы становились побратимами. Пугачёв одних вешал, а других объединял. Потом сгинул на войне казак, а вдову снова выдали замуж, но уже за своего, башкирца, а малолетнего казацкого сына раскрестили и дали новое имя — Абдулла. С него и ведётся наш род Абдуллиных. Но Сашкины веснушки дают иногда о себе знать.

Интересный вкус у чая, ну да ладно, пошла работу работать... Странное дело: пока таскалась туда-сюда, со мною приключился почти анекдот — на почте затерялось письмо. Нет его нигде, и всё тут. И акт уже не напишешь, потому что сверила и закрыла электронную накладную в программе. По количеству всё сходилось. Да и кто бы заметил это письмо, которое как капля в море, как иголка в стог сена? Лишь бы не судебное, мать его! За него придётся выложить пятьсот рэ. Там пятьсот, здесь пятьсот, и ещё раз пятьсот, а потом снова пятьсот... Вот и набежала сумма — почти билет до какой-нибудь Москвы.

Не хочу крыжичь до посинения эту иголку, вылавливая чайной ложкой из моря нужную каплю. Я ведь ухожу из отделения, вот пусть отвечают другие — например, тот же Юра. С него и так как с гуся вода. А с нас три шкуры. Ну, не шкуры, конечно, а всего лишь верхний слой кожи. Когда случается, ищешь письмо, пальцы стираются в ноль. Уж не знаю, как правильно называется эта аллергическая реакция: то ли сухой дерматит, то ли экзема. Можно, конечно, при работе с тонкими письмами использовать строительные перчатки, которые нам выдают на складе, но подозреваю, что это не очень удобно. Наше высшее руководство вещает, что количество почтовых отправок, которые не доходят до получателей вовремя, превышает восемь процентов от общего объёма. Не исключено, эти восемь процентов сосредоточены именно в нашем отделении...

Когда сильно переживаю из-за чего-то, вырубаясь на ходу. И при этом медленно схожу с ума: заговариваюсь, все свои действия комментирую вслух, так что даже клиенты иногда нехорошо посматривают в мою сторону. Что-то совсем повело. Говорят, такое случается, если долго вдыхать нагретый сургуч или свежие утренние газеты. Но сургуч отменили, а газеты ещё не привезли. Зато я подкрепилась чужой заваркой! Юра, гад, что ты мне подсыпал? Обессиленная, одурманенная, еле на ватных ногах стою, чугунную голову кое-как держу, шагает из стороны в сторону, прилегла на транспортёр, а широкая чёрная лента конвейера как завелась, как начала меня перемалывать, прокручивать... Надо мной движется старый потолок,

он держится на drankе. Как бы он не обрушился на меня.

Вдруг звонок подкидывает меня как на пружине, и лента наконец угомонилась. Отворяю люк обмена, в дождевой дымке не видно ничего, как бы ни шурилась от капель, уличный фонарь не горит, окна давно погасли, луна и не думает выходить. Лишь пляшет в измороси жёлтый свет фар бывшей машины. Как только глаза привыкли к мокрой темноте двора, с удивлением рассмотрела дребезжащую развалюху с деревянной кабиной, похожую на фургон «Хлеб» из «Места встречи...». Совсем почта обнищала: до старых зисов добрались. Автопарк не обновляется. Водители бегут...

Автомобиль в потёмках разглядеть удалось, а вот водила совсем какой-то неуловимый для зрения, будто слившийся с темнотой или из неё самой сотканный. Лишь светлые рукавицы, будто повисшие в воздухе, ловко работающие сами по себе, отдельно от хозяина. И глазки маленькие из-под козырька кепки выглядывают, поблёскивают во мраке. И серые облачка солдатской козьей ножки изредка выпускает изо рта. Надеюсь, это не тот самый, который привёз мне тогда чужое ухо... Вот он со скрипом отворяет дверцу фургона и с душевным ламповым матерком бросает мне на ленту ящик и стопку газет в толстом полиэтилене. Из утробы фургона веет могильным холодом.

Опять на ночь глядя начиталась Кинга!
— Говорили, не будет обмена. Опять ящик? — ку-таюсь сильнее, кашляю в свой свитер.

Невидимый водитель, пожевав козью ножку, перекинув её из одного угла рта в другой, наконец пыхает мне в лицо вонючим дымом:

— А мне какое дело? Мы вообще-то Юрцу тут маленько решили подсобить.

Опять Юрец! Да что ж такое?! Опять угрожать приехал? И, как всегда, витиевато...

— Передай ему, чтоб на Акташ срочно ехал, — продолжает он.

— Ночью, что ли? — пугаюсь.

— Когда приедет, уже не ночь будет, — уверенно заявляет водила. — Ну, бывай!

— А как я ему скажу среди ночи? У него жена... Сами звоните!

— У меня двушки закончились, — сплёвывает тот себе под ноги и со всей дури хлопает дверцей фургона.

Боже, какие двушки? Что он несёт? В какую историю Юра опять угодил?

От грохота дверцы снова подбрасывает меня, почему-то уже лежащую на ленте. В ту же секунду с потолка у стены отваливается лепнина и летит на меня... Не помню, успела ли увернуться от неё, но прихожу в себя, когда за окном дождь уже давно прекратился. Первым делом ощупываю себя. Вроде всё в порядке: ноги-руки целы. Осматриваюсь вокруг. И снова дежавю: ни ящика, ни газет...

Последний огрызок мозга на этой почте оставила! Как ни моя смена, так какая-нибудь чертовщина! Не иначе домовый-почтовой со мной забавляется!

Пока находилась без чувств, от потолка по всей стене пошла трещина. У самого плитуса расширилась, и образовалась щель. Подхожу чуть ближе, боясь, что оттуда выскочат мыши и тараканы. Но, наклонившись и приглядевшись, вижу уголки листков. Затаив дыхание, протягиваю дрожащую ладонь и осторожно тяну за один из уголков. Ко мне высыпаются старые фронтные письма, пожелтевшие от времени, с лиловыми чернилами или выцветшим карандашом...

Вытаскиваю все до единого и аккуратно, штук тридцать, насколько это возможно, боясь, что они рассыплются прямо на пальцах, кладу на середину начальственного стола и долго рассматриваю и даже люблюсь. Наверняка большинства отправителей нет в живых, но потомки обрадуются и прослезятся оттого, что почта всё же выполнила обязанность. Солдатские треугольники спустя больше полувека дойдут до адресата. Сколько шума будет! Приедет телевидение, о нас напишут в газетах... Жаль, что девятое мая прошло, а то бы приурочили к дате. Ничего, впереди двадцать второе июня...

Теперь уверена: надо звонить Юре! На Акташе Юре нужно срочно быть. Тот привидевшийся водила на зисе убедил меня. Такие гости зазря на ночь глядя не заявляются. У таких гостей одна охота — своевременно донести важную информацию.

Набираю Юрин номер. Продолжительные гудки. Наконец сонным недовольным голосом отвечает. Я неуверенно представилась.

— Васька, ты sdурела? Три часа ночи!

Ну как я ему скажу правду? Юра, мне приснился водитель, который передал, чтобы ты срочно ехал на Акташ. А ещё я нашла солдатские треугольники...

Да он меня по телефону придушит!

— У меня в посылке часовой механизм, — импровизирую на ходу. — Что делать?

— Батарейку, наверное, из часов забыли вытаскать, — неуверенно предположил он, но слышу, как привстал с постели.

— Не знаю, Юра. А вдруг взлетим? Останусь я тогда без дома и без работы.

— Звони начальнику службы безопасности. Нет, погоди... Я сначала сам приеду. Ты сама тоже никому не звони. Иди пока к себе. Я, как приеду, тебя вызвоню.

Я кивнула в трубку. Чувствую, что переживает. Но не за почту. За меня. Что-то участливое в нём проснулось, вернее, было изначально, но не имело выхода, не имело повода. А тут я сама... Теперь остаётся перехватить Юру на этом Акташе. А как я это сделаю? Общественный транспорт не ходит. Денег на такси нет. Но мне до Акташа ближе, чем ему...

Тихонько выглядываю во двор: полуночный гость дематериализовался. Срочно запираю почту и бегу к себе. Через некоторое время выкатываю из подъезда соседский велосипед. Ничего, до утра управлюсь, хозяйева и не заметят.

Акташ

Акташ (в переводе — «белый камень») — участок дороги на выезде из города, сльвущий в народе аномальной зоной, сосредоточие явления странной силы. Именно здесь наблюдаются резкое ухудшение самочувствия, отсутствие птиц, задымлённость неустановленного порядка, изменение восприятия времени. Именно здесь чаще всего происходят аварии с жертвами, своеобразным памятником которым служит белый валун с вялыми гвоздиками, мягкими игрушками и траурными ленточками на фотографиях. Юра с семьёй живёт в коттеджном посёлке в получасе езды от этого Акташа, так что именно здесь мы должны с ним пересечься.

Туман Акташа — как продолжение снизу нарезанных слоями кучевых облаков, валом тянущихся над взмокшими полями. Машин нет, путь знаком, но всё равно страшно, жмусь к обочине, крепко держусь за руль, во рту сжимаю сигарету, а в голове под монотонный скрип ослабленных спиц вцепилась и всё никак не отвяжется строчка:

Еду степью — степь пою,
Еду смертью — смерть пою.

Огонёк из фильтра вылетает и катится по дороге, подпрыгивая, рассыпаясь каскадом искр и окончательно пропадая над застланными туманом полями Акташа.

При первой возможности съезжаю на накатанную вдоль шоссе грунтовку, ненадёжно ориентируюсь на слух по мягкому шуршанию шин, а также по темнеющим в дымке редким перелескам искривлённых деревьев, похожих на расщелины безмолвного зловещего мира, из которой вышел какой-нибудь Пляка, которого ни разу не видела, но примерно представляю. Накатанная колея скрывается в тумане, и маленький кружочек велосипедного фонаря беспомощно пляшет и мечется по стелющимся облачкам.

Наконец впереди показываются очертания каменной глыбы, из-за которого на меня в толще тумана, как в неясных глубинах океана, флегматичной акулой вдруг выплывает легковушка. Она резко тормозит, но ударяет по моему заднему колесу, когда я почти увернулась от неё. Тут же сваливаюсь на мокрую траву, с облегчением выдыхаю, разжимаю зубы, выплёвывая потушенный бычок, потому что уже знаю того, кто чуть не сбил меня. Он выскакивает из машины, подбегает, тоже узнаёт меня, называет по имени, гладит по волосам, утешает, просит прощения... Я ведь не себя

ему под колёса бросила, а всё своё нехитрое, мало накопленное существование, наделия его при этом неограниченными полномочиями распоряжаться моим телом, временем, волей.

Юра накидывает на меня куртку, будто звёрушку поймал, поднимает. Я поворачиваюсь к нему, и, не сговариваясь, мы застываем в объятиях. Истосковавшиеся по человеческому теплу, разом обогретые друг другом, разомлевшие... Я еле сдерживаюсь: от переизбытка чувств у меня непреодолимое желание ущипнуть или укусить любимого. А он целует мои пальцы в штемпельной краске. Оба не помним, когда в последний раз могли позволить себе стоять так близко, запросто глядеть друг на дружку, обниматься... И всё это — не ожидая подвоха, злого умысла, обидных шуток. Мы — два горьких одиночества, и никого у нас нет.

Почты больше нет. И зла больше нет. Наконец Юра всё же выпрямляется, расправляет затёкшие плечи и подаёт назад затылок.

— У тебя свитер колючий, — оправдывается он.

— У вас — лицо, — сразу нахожусь, имея в виду покрытые тёмной щетиной щёки.

— Нет у меня лица. Ничего у меня нет. Нет меня. Я сундук чужих тайн. Вернее, флэт чужих тайн. Как ты теперь понимаешь... Мне бы многое надо рассказать, а я не могу. Мне и мерещится всякое, — он запнулся, недоверчиво оглядевшись по сторонам.

— Как вы с ними вообще связались?

— Не я с ними, а они со мной, — устало объясняет он. — Кто с малых лет вместе, те потом рядом всегда ходят. *В одном дворе, в одной школе, на одной скамейке, на одном турнике, с одними и теми же девочками.* А я до последнего думал, что не при делах. А я, выясняется, один из них. Потому что никогда у них ничего не просил. Они сами приходили и сами всё давали. До сих пор не могут простить этого. Я всегда был везучим. Это мой единственный талант. Мне всё даётся легко. И в любой рискованный момент меня всегда что-то спасало... Странное дело, — он снова осмотрелся, — пока ехал к тебе по Акташу, впереди показался строй солдат, чуть ли не целый взвод, в гимнастёрках и обмотках. И главное, всё так правдоподобно: со скаткой через плечо, винтовки в такт солдатскому шагу покачиваются. Я было решил, что у нас кино про Великую Отечественную снимают. Я потому и загормозил вовремя, как раз перед тобой.

Я крепче прижимаюсь к нему. Не стала признаваться, для чего вызволила его сюда. А он и не спрашивает. Больше поглощён своей бедой, ему выговориться надо:

—...Теперь время платить за этот фарт. Уговаривать жену, лишать ребёнка дома, который не я заработал, выставлять на продажу...

Дом с участком подарили родители Анук Эме. Стоит ли сомневаться, что жену он уговорит?

У меня сердце разрывается от боли. Сильнее, чем если бы я сама от него уехала. Он будто читает мои мысли:

— Скорее и ты уедешь. А я бы тебя поднатаскал, сделал бы из тебя толкового зама.

В своё время ту же самую горе-карьеру он предлагал Гуле.

— Да куда я уеду?— усмехаюсь.— Меня не гонят и нигде не ждут.

— Куда мечтала, туда и уедешь— помяни моё слово. Свалишь в большие города, забудешь меня, сострижёшь косу... У моей жены тоже раньше длинная толстая коса была,— и показал, как если бы измерял толщину каната,— а талия вот такая,— и будто ниточку в игльное ушко вдвёл.— Она состригла косу и разлюбила меня.

— Вас разлюбишь! Сами кого хочешь разлюбите. Целая коробка ненужных женщин по городу валяется.

— Я никому не подхожу. Как на рынке выбирают: не такой, сжой, это не то, то не это... А я такой, какой есть. И таким никому не сдался. И никому не достанусь.

Юра, я заметила, когда общается с неохваченной почитательницей, преобразается в голосе, говорит очень бархатно. Но когда она успевает наскутить, то Юра незаметно сникает в тембре. Пассия поначалу вроде бы не слышит возникшую перемену, пока забытая окраска голоса не адресуется уже новой поклоннице.

— Я вряд ли уеду, но побриться под мальчика хочу, чтобы делать, как вы, вот так,— провожу руками по всей голове.— Так свободно себя чувствуешь. Ничего не мешает.

— Вот так?— со смехом повторяет за мной Юра.— Ну так в чём же дело?

— Голова большая. Большую голову надо прятать под волосами.

От долгого стояния в молочных полосах и разорванных обрывках становится зябко. Первый запал прошёл, эйфория сходит на нет, и всё уже не так естественно. А больше натянуто и стыдно, что ли. Предлагает переждать туман в машине. Догадываюсь, чем мы будем заниматься в этой его машине. Юра знает своё дело, горбатого могила исправит, от привычек своих не откажется, природу его не изменишь. А я не знаю, как быть с ним, как не знает бедняк, куда деваться от свалившегося богатства. Лучше, конечно, пустить всё по ветру, промотать состояние— словом, поскорее избавиться, как от лишней головной боли, чтобы больше не бояться потерять его, не страдать по нему. Я всегда всем занудам и святошам предпочитала Долохова. Мне в школе наша училка много раз доказывала, что Долохов— дерьмо на огромной четырёхтомной лопате, а любить надо князя Андрея, но я, вслух согласившись с общественным мнением, продолжала любить эту тварь тайно, про себя.

Отворачиваясь, закрывая лицо, жмурясь от восторга, не веря своему счастью, я наконец беру себя в руки и, как большая, ни о чём не волнуясь, полностью доверяясь, проскальзываю в салон к Юре...

Акташ находился чуть на возвышенности, и на утренней заре с востока наблюдался огненный размытый обруч или полукольцо, поджаривающее начало дня. Пора выдвигаться, и Юра перед дорогой решил сделать свои дела.

У меня не было перед ним чувства неловкости, ведь мы не увидимся больше при любом раскладе. Интересного продолжения и болезненного расставания не будет. Я, пересев на переднее кресло, начинаю готовить прощальную речь. В ней желание счастья, уверения в том, что не собираюсь привирать о мотивах, побудивших меня вызвать его среди ночи. Дескать, чтобы в последний раз налюбоваться сонной физиономией...

На шоссе показывается одна из первых машин. Фирменный почтовый УАЗ с соответствующей символикой. Нарочно не придумаешь! Как плохой знак, чёрная метка, напоминание о том, что всё замечательное когда-нибудь заканчивается. Я бы и думать забыла об этой машине, катившей в город всё дальше и дальше, но с удивлением заметила, что двери кузова открыты нараспашку. И на повороте, прежде чем скрыться, из машины что-то вдруг выпало. Когда Юра появляется, вместо своей пронзительной речи по привычке докладываю о случившемся. Он, приняв обеспокоенный вид, внимательно выслушивает и тут же отправляется к тому месту. Я, оставшись на месте, с напряжением слежу за ним и за тем, не покажется ли ещё какая машина. Дойдя до места, быстро, почти не глядя, подбирает что-то и двигается обратно.

Это оказался опечатанный маркированный пыльный брезентовый мешок. Я всерьёз рассчитывала, что Юра предпримет какие-то священные начальственные действия. Но он, не расставаясь с мешком, сползает по спинке кресла вниз, прикрывает глаза и в этом положении находится некоторое время. Я слышу, как шумит в его голове, потому что у самой бьётся в висках кровь.

И вдруг уверенными движениями, какие использовал со мной, распечатывает мешок и вытаскивает в вакуумном полиэтилене денежную связку. Не составило труда прикинуть в уме, сколько денег Юра держит перед собой, если в этой пачке десять корешков по сто купюр с одинаковым номиналом в пять тысяч рублей. Очевидно, для подкрепления нескольких отделений. При виде денег Юра воровато смотрит на меня, будто жалеет, что ночная любовница вдруг превратилась в ненужного свидетеля.

— Как ты думаешь, стоит пожалеть горе-организацию, которая не в состоянии перевезти из пункта А в пункт Б собственные деньги?— с горькой иронией интересуется.

Я пожимаю плечами. Это единственное, что я могу делать уверенно.

— И знаешь, что будет вознаграждением за находку? — продолжает он. — Бесплатная полугодовая подписка на «Мурзилку». Или на газету «Правда». Выбирай: что по душе?

Не хочется отвечать. Хочется убраться скорее. Юра стал чужим и прежним. Туман ушёл, и ласковая часть Юриной души стаяла вместе с ним. Я понимала, к чему он клонит. Глаза его горят, на скулах выступают желваки.

— Мой дедушка выписывал «Правду», — вспоминается мне неожиданно.

— Дед помер?

— Умер.

— Значит, выбирай «Мурзилку». И вообще, считай, что это клад.

— Денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монет, находящихся в обращении, не могут являться кладом, — напоминаю.

— В соответствии со статьёй Гражданского кодекса РФ под кладом понимаются зарытые в земле или сокрытые иным способом (внутри мешков) деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право.

— У нас есть реквизиты. Собственник может быть установлен.

— Что с веза упало, то пропало. Как говорила моя мама, государство само нас обманывает, — и решительно включает двигатель: мол, разговор окончен.

Я отворачиваюсь и больше не спорю. Что толку? Я не составлю конкуренцию бешеным живым деньгам. Я — как моя бывшая почта, несчастная и дармовая, с меня пользы клок, и Юра для себя всё решил. Юру не вычислят. Юра умный. Юра отдаст часть в счёт уплаты долга, остальное спрячет до лучших времён. И даже в магазине или кафе в течение многих лет Юра не превысит свой средний чек. Если только «Пляка и партнёры» не вытрясут из него всё.

Я поехала к нему, желая стать любовницей, а возвращаемся на почту поделщиками. Нам навстречу выбегает взмыленная, ужаленная под хвост Ивешка с алюминиевым ведром, от неё пахнет чем-то похожим на керосин, и направляется к мусорным бакам. Даже пропустила тот любопытный факт, что приехали мы вместе.

На ходу кричит:

— Юрий Максимович, там трещина на всю стену пошла. Развалится скоро здание. А тебе письмо, — обращается ко мне, — которое ты же ночью и прое*ала.

— Я искала! — оправдываюсь.

— А в трёх метрах от фонаря искала?.. Я как раз убираться стала, мебель двигала, письмо между стеной и столом завалилось.

Юра снимает с крыши автомобиля велосипед, я быстро закатываю его в свой подъезд к соседям и возвращаюсь в отделение. В доставке на столе лежит моё пропавшее письмо. Я ахаю, глядя на отправителя: факультет журналистики! Дрожащими руками распечатываю... Батеньки, приглашение на творческое собеседование! Милый дедушка всё же получил письмо от бедного Ванечки. Боженка услышал мои безадресные молитвы. Путёвка в жизнь. Шанс начать всё заново. Не придётся больше изводить себя работой на почте и отношениями с Юрой. Не придётся приводить себя в состояние пластилина, зависеть от его настроения и привычек, втихую рыдать и открыто подлизываться... Потому что мне по почте прислали часть моей души. Будто поймала за хвост жар-птицу. Будто на собственные именины позвали, накрыли богатый стол, посадили на почётное место, стали поднимать за меня бокалы, сочинять тосты... Письма — не только часть моей бывшей работы. Это часть моей будущей жизни. Это ответы на все заданные запросы.

Я поворачиваюсь к Юре, чтобы поделиться радостью. Но ему не до меня. Он изучает образовавшуюся щель. Он лично хочет её заделать. Я догадываюсь для чего. Чтобы в нише запрятать свой «клад». Ищу глазами солдатские треугольники. Их нигде нет. Вспоминаю об Ивешке с ведром и чем-то похожим на керосин.

Опрямлю бегу во двор. Но поздно, Ивешка суетится у костра. Впрочем, огонь уже потухает. Подхожу: на дне ведра пепел да зола.

— Что же вы сделали? — плачу. — Это же наши письма. Их надо было доставить!

— Ага, чтобы родственники на почту в суд подали? — выпучила на меня глаза как на предателя родины. — Чтоб потом нам всем за это влетело?

Я смотрю на неё и понимаю, что ничего не исправить, что все мы обречены: мы все давно по колено в засохшем дерьме, но всё равно боимся обоср*ться.

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения с действительностью случайны.